

ВИКТОР ЧОЧИЕВ

СЦЕНАРИИ, ПЬЕСЫ, СЦЕНАРИИ. В ТРЁХ КНИГАХ. КНИГА 2

1. «ЧАЙКА» (ПЬЕСА) – ПО МОТИВАМ «ЧАЙКИ» НАСТОЯЩЕЙ.
2. «РАЗВОД ПО-РУССКИ» – КОМЕДИЯ.
3. «ДРЯГА» – ДРАМА, АКЦИОН.
4. «СССР» – МЕГАДРАМА ПО МОТИВАМ ФИЛЬМА «ЧУК И ГЕК»

Виктор Чочиев
Сценарии, пьесы, сценарии.
В трёх книгах. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42571511
ISBN 9785449674609

Аннотация

Несколько работ из этого трикнижия вызвали неоднократный «продюсерский» интерес – безрезультатный. Три работы были напечатаны в журналах. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАЙКА (пьеса)	5
Действующие Лица	5
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	7
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	48
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ	100
Развод по-русски	130
Основные действующие лица	130
Происшествие	132
Публикация	135
Липский	140
Поместье	147
Максим	154
НПО «Маяк»	158
Адвокат	167
Проповедь	174
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Сценарии, пьесы, сценарии. В трёх книгах. Книга 2

Виктор Чочиев

© Виктор Чочиев, 2019

ISBN 978-5-4496-7460-9 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-7458-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАЙКА (пьеса)

Действующие Лица

Ирина Николаевна Аркаева (псевдоним), по мужу Трепалина, актриса, слегка за сорок лет, выглядит значительно моложе.

Костя Трепалин, ее сын, щуплый паренёк семнадцати лет.

Петр Николаевич Соркин, ее брат, мужчина болезненного вида под шестьдесят лет.

Нина Заречиани, невысокая миловидная брюнетка восемнадцати лет с несколько восточными чертами лица, дочь состоятельного бизнесмена.

Илья Афанасьевич Шамранин, отставной прапорщик, «завхоз» у Соркина, проживает вместе с семьёй во флигеле на территории усадьбы, около сорока лет.

Маша, его дочь, восемнадцать лет, рослая, очень похожа на Илью Афанасьевича.

Полина Андреевна, его жена, около сорока лет.

Борис Алексеевич Пригорин, писатель, немного моложе Аркаевой, крепкого сложения, добродушного вида.

Евгений Сергеевич Доренко, врач, около 50 лет.

Семен Семенович Медведев, учитель.

Яков, приглашённый работник, «неопределённого возраста».

Действие происходит в дачной усадьбе Соркина – три гектара на берегу большого живописного озера не далее двухсот километров от Москвы.

Наше время. Между вторым и третьим действием проходит два года. Возраст действующих лиц указан для первого и второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечер в усадьбе Соркина. Аллея, ведущая от главного дома к озеру (на запад), перегорожена сценой, над которой висит занавес, так что озера не видно.

На занавесе нарисованы два взявшихся за руки «буратино»: слева – «буратино-девочка» (в мини-юбочке), справа – «буратино-мальчик» (в коротких штанишках). Под «буратино-девочкой» написано «Бура», под «буратино-мальчиком» – «Тино».

Слева и справа от сцены – кусты сирени. Перед сценой стоят несколько пластиковых кресел и столик из такого же пластика.

До заката солнца остаётся минут двадцать пять.

За опущенным занавесом Яков что то приколачивает; слышатся его покашливание и стук молотка.

Появляются Маша и Медведев.

Медведев. Но ведь я же вижу – в последнее время день ото дня ты всё мрачнее, всё печальнее. Уже и не помню, Маша, когда ты в последний раз улыбнулась. Совершенно замкнулась в себе.

Маша. А с какой радости мне лыбиться?

Медведев. А с какого горя – нет? (*Садятся в кресла*) Ты молодая, здоровая, красивая – чего ещё? Родители у тебя хо-

рошо устроены... не то, что я... Семь тысяч в месяц...

Маша (*тоже садится*). Вот и уехал бы куда глаза глядят... в Москву, например.

Медведев. Заждались меня там... Как мне уехать – мать больная, братья маленькие ещё – кто их поднимет... По хозяйству тоже кому-то надо работать, так? А потом, куда ж я, Машенька, от тебя...

Маша. Аморальный ты, Семён – крутишь шашни со своей ученицей. Не похвалят.

Медведев. Девушке восемнадцать лет, школу кончила без троек – какие проблемы?

Маша. Проблема одна... (*пауза*) ...что-то публика и не думает собираться.

Медведев. Костя сказал, ему нужно, чтобы в начале мюзикла солнце как раз садилось бы за сценой – напротив зрителей. Декораций мало, так пусть, говорит, солнце поработает... А что, не понравится нам его спектакль, так хоть закатом полюбуемся.

Маша. А мне он ничего не говорил... Никогда не говорит. Я для него – пустое место. Дочка обслуги.

Медведев. Так ведь он в Ниночку втюрился, ты разве не знаешь?

Маша. Знаю...

Медведев. Он ведь давно начал этот мюзикл сочинять – как моноспектакль... ну, для одного актёра – для себя, то есть. А потом всё переделал под Ниночку – теперь она у него

главная героиня.

Маша. Женский реп – это вообще нонсенс.

Медведев. А реп-мюзикл? Но, по-любому, я Костику завидую. Он рядом со своей девушкой, какие-то общие планы... взаимный интерес друг к другу. А я... Каждый день туда-сюда на велосипеде.

Маша. Купи скутер – и быстрее, и будешь выглядеть.

Медведев. Баловство. А осень, а зима?

Маша. Ну, тогда джип.

Медведев. ... Неужели никогда, Машенька?

Маша. Ну не могу я, нет к тебе взаимности и всё. (*протягивает Медведеву пачку сигарет*) Курить будешь?

Медведев....

Маша. И не в зарплате твоей дело. Не хочу я в деревне, вот и всё. (*Закуривает*) И вот тебе ценный совет – раз ты к деньгам не стремишься, ты бы о них меньше думал и всем рассказывал. Полегчает... Дождь будет к ночи – духотища.

Справа Входят Соркин (опираясь на трость) и Костя.

Соркин. Вот как будто бы и нет разницы – что я, в Москве каждый день ходил бы по ресторанам и театрам? Нет! А телевизор и интернет – они и в деревне есть. Холодильники-кипяильники такие же, ванна. Чего ещё надо? Живи – не хочу! А как-то закисаю я тут. Воздух что ли через чур хорош – как снотворное для меня, особенно, после обеда. А днем по-

спишь – до ночи разжижение мозга, ходишь дурак дураком. Потом ночью сны замучают.

Костя. Тебе же врачи прописали в деревне жить – терпи тогда уж. (*Замечает Машу и Медведева*) А, первые зрители. (*Обращается к ним*) Извините, придётся вам ещё погулять – тут у нас не всё готово. Когда будем начинать, услышите – в рельсу будем бить... вместо звонка. Уйдите пока... (*Медведев и Маша уходят*)

Медведев (*Маше*). Пойдем, видишь – автор нервничает.

Соркин. (*Маше*) Маша, что бы не забыть, передай отцу, что корова опять утром мычала. Что-то с ней надо делать. Только-только заснёшь под утро – и на тебе! Ирина Николаевна тоже жаловалась.

Маша. Николай Петрович, корове же не объяснишь. Они все мычат, когда по утрам в стадо забирают, радуются. А отцу... ну его! Сами скажите! (*Медведеву*) Пойдём, Сёма!

Маша демонстративно берёт Медведева под руку и они уходят.

Медведев. (*Косте на ходу*) Только ты, Костя, посильнее бей свою рельсу – боюсь, пропустим начало!

Соркин. (*Смотрит вслед Маше*) Дерзкая стала. В папашу своего. Иной раз так и подумаю – уволить эту семейку к чертям собачьим! Другие бы боялись место потерять. Живут даром во флигеле, оклады – что у него, что у жены – хо-

рошие. Вся деревня им завидует – сам говорил.

Костя. Ну и?

Соркин. Ну и... Вроде уж привык к ним. Другие-то, новые как бы ещё и похуже не были.

Из-за сцены выходит Яков.

Яков (Косте). Всё закончил – сделал, как Вы сказали. (Соркину) Пивка бы, а, Николай Петрович? За ударный труд?

Соркин. Да уж, стуку было не мерено. Пойди к Полине – пусть даст тебе пару банок.

Яков. Вот спасибо, Пётр Николаевич! Уважили рабочего человека.

Соркин. Иди поспешай... Пролетарий... А то передумаю.

Яков уходит.

Костя (в спину Якову). И чтобы через пятнадцать минут назад – будем начинать!

Яков. Окей!

Соркин. Слышал? Вот она – посконная русская деревня.

Костя. Деградация полная. Ужас.

Соркин. Зря мы с тобой городскую квартиру продали. Тем более, что и денег этих, считай, не видели.

Костя. Конечно, зря. Только не мы, а ты. А я тебя преду-

преждал, чтобы ты её не слушался.

Соркин. Предупреждал... Я и сам себя предупреждал. А всё ж таки роднее тебя и её у меня нет никого. Вспомни, как она упрашивала. Плакала. Разве я выдержу, эх... Люблю я маму твою, вот ведь что. И отец с матерью в ней души не чаяли – поздний ребёнок, пятнадцать лет между нами разницы.

Костя. Четырнадцать с половиной.

Соркин. Да... И понять её можно – стареет ведь. Роли-то всё больше молоденьким достаются (улыбается) ... вроде Ниночки твоей. Так что создать антрепризный центр – идея здравая... Да... Но затратная и рискованная. А мои финансы, сам знаешь, год от году всё хуже, не то, что в славные времена. Уже каждый рубль на счету.

Костя. В банке.

Соркин. Тут не до шуток. Кстати, и тебя касается.

Костя. Не вернёт мать тебе долга. Или центр этот прогорит, или всё равно не отдаст.

Соркин. Да... Неудобно всё-таки без городской квартиры. Как в тюрьме тут. Тебе то что – школу кончил, и уедешь учиться в свою за границу... А ведь совсем плохо мне будет без тебя, одному-то...

Костя (обнимает Соркина). Что ты, дядя, что ты. Я же тебя люблю.

Соркин. То-то и беда, что сроднились мы с тобой...

Костя. А знаешь, что мне мать утром сказала – оказыва-

ется, она думает, что это ты будешь платить за моё образование. Так сказать, «по умолчанию».

Соркин. Как так? Где же я возьму?

Костя. А как ты меня содержал двенадцать лет...

Соркин. Хм-м... Надо будет с ней поговорить. Я бы и с удовольствием, да денег нет. Каждый рубль на счёту... Что-то я разволновался.

Костя. Не бойсь. На крайняк, не буду учиться – не очень и хочется. Тем более на юриста – бр-р!

Соркин. А жить где будешь? Квартиры-то нет. Не у матери же... А здесь зимой волки воют.

Костя. Да уж... она меня и не возьмёт.

Соркин. Проблема... Надо с ней поговорить.

Костя. Только не сегодня, ладно?

Соркин. Завтра. И лучше без твоего участия.

Костя. Да ради Бога. Ой! Заболтал ты меня, а ведь закат будет уже через минут пятнадцать!

Соркин. И Ниночки нет.

Костя. Давно пора ей приехать. Я тебе не говорю, а сам уже весь на нервах. Опоздает, начнём уже ночью – совсем не тот будет эффект. Ужас!

Соркин. Ты бы позвонил ей.

Костя. Не берёт трубку с половины третьего. Может, отец у неё телефон отобрал.

Соркин. Так ей надо от отца убежать, да?

Костя. Она это умеет. Не в первый раз... Там больше ма-

чеха за ней шпионит. (*Звонит по мобильному телефону*) ...
Не отвечает. Вот напасть!

Соркин. Да, после той истории отец за неё взялся! Выиграла грузинская кровь. Хватился воспитывать.

Возвращается Яков.

Яков. Ну вот, поправился.

Костя. Прячься за сцену. Всё помнишь?

Яков. А то!

Яков уходит за сцену.

Соркин. Час назад разговаривал с Ириной – что-то она сильно не в духе.

Костя. Так как раз из-за мюзикла моего – считает его вредной детской забавой. И одновременно наверняка боится, что у нас с Ниной всё получится. И получится не её успех на её глазах – просто трагедия для неё. Её бесит даже то, во что она совсем не верит. А ведь ещё она и Нину не любит – похоже, только за то, что та моложе и красивее неё. Начнёт ревновать к ней своего писателя – вот увидишь.

Соркин (*с улыбкой*). Так уж и красивее?

Костя. Да ладно тебе подкалывать.

Соркин. Beauty lies in lover's eyes...

Костя. Ты же знаешь маму. Она добрая, подкармливает

всех встречных собак и подаёт всем нищим. Недавно я видел, как она горько плакала над книжкой. Но хоть бы раз она похвалила игру другой артистки – ни разу! И не только к успеху ревнует других, но даже к пустым похвалам, даже небескорыстным. Понимаешь, ей нужно постоянно, ежедневно слышать, как её хвалят – всё равно, искренне или нет. Вот и мечется по тусовкам, где есть шанс услышать эти дешёвые восторги. А здесь ничего такого нет – вот она и томится и на всех кидается. Зачем только приехала... И как она не любит других артисток, так она не любит и Нину, а заодно и весь наш мюзикл.

Соркин. Да с чего ты взял, что спектакль твой заранее не нравится матери? Чистая фантазия! И про Нину – фантазия! Ведь мать тебя любит, можно сказать, обожает. Просто отношения у вас не сложены из-за непривычки друг к другу – слишком долго вы жили порознь.

Костя. Может, и любила... лет пятнадцать назад. А сейчас... Раз взрослый сын, значит в годах уже женщина. А она всё в мини-юбках рассекает.

Соркин. Как это «рассекает»?

Костя. По жизни...

Соркин. А что, ей идут мини-юбки.

Костя. Когда меня нет рядом. Поэтому и сбагрила меня к тебе.

Соркин. Тут важнеей другой нюанс – слишком она была влюбчивая. А тут ты в квартире. Вот и попросила взять тебя

на воспитание. А я и рад был – мне ведь при моей болезни ни детей, ни жены не полагается... Правда, к Пригорину она, кажется, прикипела надолго – чем он её охмурил... Сколько... два года они уже вместе – только на моей памяти.

Костя. Может, как драматург? У него три пьесы шли, в одной мама играла.

Соркин. Может быть. Но сейчас-то он только юмором промышляет. Наверное, прибыльное дело.

Костя. А по виду не скажешь, что юморист.

Соркин. Кстати, народ его воспринимает хорошо – я видел по телевизору, как он читал своё.

Костя. Народ на таких концертах смеётся потому, чтобы самому себе лохом не казаться – деньги-то уже заплачены. А на сцене юмора-то и нету. Или генитальное что-нибудь – тогда улыбаются от неловкости. «Мне пришло письмо» – как же, да в Интернете они все шутки тырят.

Соркин. Тебе бы критиком быть.

Костя. А я критик и есть. Только не по театру и юмору, а по жизни вообще. Жизнь – дрянь, а театр – как фальшивая жизнь – дрянь в квадрате.

Соркин. С матерью этой мыслью ещё не делился?

Костя. Зачем. Она театр любит. Иногда даже про «святые стены говорит»... А ведь сама сейчас в театре почти не играет – всё сериалы, один тупее другого... Особенно мерзкие те, где за тебя смеются – это же унижительно для зрителя. А мама и в них тоже...

Соркин. Что поделаешь, надо же как-то жить. Как-то и на что-то.

Костя. Если человек что-то делает исключительно ради денег... ну, когда не помирает с голоду... это, типа, жутко тяжкий грех. Работает человек где-нибудь... ну, скажем в рекламном бизнесе, вот. И всё-то у него о'кей... как Яков говорит. Встречи, переговоры, рост продаж, бабло, Мерседес, отпуск на Гавайях – человек полон самоуважения, а на самом деле всю жизнь просто морочит людям голову, шарлатанит. И чем ничтожнее предмет... типа жвачки, тем грандиознее реклама. Тьфу!

Соркин. Вот это да! Ну, ты звание критика перерос – прямо-таки вселенский хулитель!

Костя. Вселенная сама виновата.

Соркин. Костик, а как тебе писатель?

Костя. Если честно, симпатичный дядечка. В смысле, мне нравится. Скромный. По виду добрый. Молодой ещё, а уже, типа, «звезда» – не похуже мамы.

Соркин. Я ведь тоже так думаю – тут редкий случай, когда слава не испортила характер.

Костя. Но что-то у него какой-то замороженный вид. Какая самая тяжелая работа... вот как будто он на ней и работал.

Слышен усиливающийся звук мотора. Потом он резко за-

тихает.

Соркин (*прислушивается*). ...Моторка...

Костя («*про себя*»). Моторка, касторка, Гарсиа Лорка...
но где же Нина...

Соркин. В своё время я ведь тоже хотел купить катерок.

Костя. И что же не купил?

Соркин. Ха! Так твоя же матушка отговорила... «он утонет, он утонет!». За тебя боялась.

Костя. Надо же... Я и не знал.

Из-за кустов выбегает Нина, одетая в гидрокостюм.

Костя (*вскакивает*). Ты!? А я уже и не надеялся!

Нина. Сильно я опоздала? (*Соркину*) Здравствуйте, Пётр Николаевич.

Соркин (*поднимается на ноги*). Здравствуй, Ниночка!
И правда, заждались мы тебя. Я ведь тоже переживал. Но что за вид?

Костя. А я на гидроцикле – прямо через озеро! По-другому не успела бы. Ключи от машин и моего «Полариса» от меня стерегут, а про гидроцикл забыли.

Костя. А как же отец?

Нина. В Москву утрахтакал – вертолёт улетел минут двадцать назад. Какое то ЧП в бизнесе – повезло мне.

Соркин. Ну, пойду созывать «почтеннейшую публику».

Костя. Скажи, через пять минут.

Соркин уходит, что-то напевая. Костя подходит к Нине и берёт ей за руки.

Костя. Ну, здравствуй... *(целует Нину в уголок губ)*

Нина. Мне отец запретил у вас бывать. Как узнал, какие у вас гости, так и запретил. Пока они не уедут.

Костя. А что так?

Нина. Он же знает, что я хочу в актрисы. Говорит: «Хватит с меня артисток – накушался» – это он про маму и мачеху.

Костя. И как она на эти слова – мачеха-то?

Нина. Ха, попробовал бы он при ней так высказаться!

Костя хочет снова поцеловать Нину, но она ловко уворачивается.

Нина. Пора переодеваться, где мой костюм?

Костя *(отойдя на пару шагов и оглядев Нину).* Ничего не нужно – в гидрокостюме будет даже лучше! Очень необычно и прикольно – как раз то, что надо. *(без паузы)* Я люблю тебя, Нина.

Нина. Я знаю. Солнце скоро сядет.

Костя. Но я люблю тебя!

За сценой слышатся какие-то звуки.

Нина (*громко*). Это ты, Яша?

Яков. А то! Привет, Нин!

Нина. Привет!

Костя (*громко*). Про свет и дым всё помнишь?

Яков. На пять!

Костя (*громко*). Смотри, напутаешь – убью! (*Нине*) Волнуешься?

Нина. Пульс двести. Перед самой Аркаевой выступать! Да ещё перед Пригориным – вообще отпад! Считаю, тоже артист – здорово он свой юмор читает, особенно, армейский – выходит в одной майке, молодой, симпатичный, бицепсы и всё такое. У нас были девочки – балдели от него, фотки с собой носили.

Костя (*холодно*). Ну, до Иванецкого ему далеко.

Нина. Иванецкий старик. А Пригорин – ещё и настоящий писатель, драматург. А в твоём мюзикле трудно играть – дерготни много, всё не как в жизни.

Костя. Ты же согласилась?

Нина. Ну... Интересно же... И действия мало, action – почти одна только читка. И про любовь ничего, и про секс.

Костя. Какой секс – перед мамой? Окстись.

Нина. А-а...

Костя. Ты можешь остаться после показа?

Нина отрицательно качает головой.

Костя. Почему? Ты же уже убежала. Семь бед – один ответ.

Нина. Нельзя.

Костя. Почему?

Нина. Потому.

Костя. Тогда я к вам приеду. Попроюсь.

Нина. Не надо. Уже стемнело – пора.

Костя. Нет, ты скажи – почему?

Нина. Потому что уже стемнело.

Костя (*оглядывается, смотрит в небо*) Ты... (*кричит в сторону сцены*). Яков, бей в рельсу!

Костя энергичным шагом уходит за сцену, Нина следует за ним.

Раздаются громкие удары молотком о кусок рельса, подвешенный за занавесом.

Негромко переговариваясь, входят Доренко и Полина Андреевна.

Доренко (*говорит немного в нос*). Зайдем места подальше, на галёрке. (*достаёт платок и сморкается*).

Доренко и Полина Андреевна садятся в кресла, стоящие в заднем ряду, тихо продолжают разговор.

Полина Андреевна. Весь больной – сидел бы дома! Ничего тут особенного не будет.

Доренко. А вот мы и посмотрим – а вдруг. Тем более, что у нас на озере с развлечениями не густо.

Полина Андреевна. И пиво не нужно было пить – я же только что вынула из холодильника. И в одной рубашке больному нельзя. *(просовывает пальцы между пуговицами рубашки Доренко)* Ну вот, так и знала – ещё и без майки! *(хочет встать)* Женя, ну нельзя же так! Сейчас принесу тебе мужнин пиджак.

Доренко *(удерживает её)*. Да не суетись ты! И так душно.

Полина Андреевна. Больной – а перед Ириной хвост распустил. Как же – артистка, знаменитость. Даже не заметил, как я вошла.

Доренко. Как же не заметить – ты же пиво принесла.

Полина Андреевна. Грубо...

Доренко. Извини, Поля. Но что ты на меня взъелась-то сегодня?

Полина Андреевна. А чем обычная женщина хуже артистки?

Доренко. Артистки – обычные женщины. Поверь врачу.

Полина Андреевна. Избаловали тебя... обычные женщины... *(отвернувшись от Доренко)* Кобель – он и есть кобель.

Доренко. Поля, ну зачем... ты же знаешь, как я к тебе

отношусь.

Полина Андреевна. Вот ты так, а может, Машенька-то – от тебя. Вспомни, когда приехал сюда строиться?

Доренко (*с улыбкой*). Ну, ты сказала! Да она же вылитый Илья! Тут Шамранинская кровь без подмеса.

Полина Андреевна. Тс-с!

Доренко (*громко*). Нет, грибы вообще очень тяжёлая пища. Если подозрение на гастрит, лучше их вообще исключить.

Полина Андреевна. Ни жареных, ни солёных?

Доренко. Ну, разве что груздя подцепить после стопочки.

Входят Соркин, Аркаева, Пригорин, Шамранин, Медведев и Маша.

Соркин. Золотые слова, Евгений Сергеевич! Что-то даже захотелось. (*кивает в сторону столика*) Может, нам накрыть на скорую руку – а, Ира?

Аркаева. Пётр, как ты можешь – мы же в театре.

Пригорин. А что, театр начинается с буфета.

Аркаева (*укоризненно*). Боря... и ты туда же... Всем терпеть! Банкет будет по окончании! С участием господ артистов!

Яков (*из за сцены*). И господ, которые помогали!

Аркаева. И господина Яши.

Шамранин. В восьмом классе когда учился, победили мы классом в «Зарнице» – игра тогда была такая... военно-патриотическая... ну вот... и, как приз, привезли нас, юнармейцев, в Москву, в Большой театр – вот там был буфет, так буфет! Шампанское в фужерах, коктейли! Жульен я там первый раз попробовал – все деньги на него и ушли.

Пригорин. А что же не на «шампанское в фужерах»?

Шамранин. Так мы же не одни были – с училкой. Строгая была – Нина Ивановна... Царствие Небесное.

Маша. И какой был спектакль?

Шамранин. Оперный. Пели.

Маша усмехается и обводит взглядом окружающих.

Шамранин. Сейчас-то как в театрах с буфетами, Ирина Николаевна?

Аркаева. По-разному, Илья... по-разному. Но когда же начало?

Яков (*из за сцены*). Всё, начинаем уже.

Звучит начало «Болеро» Равеля. Занавес поднимается.

Слева на сцене стоит маленький столик, на нем – работающий без звука телевизор, перевернутый вверх ногами. Справа – не вертикально, на одном из своих углов стоит раскрытый старый холодильник – внутри него примостилась Нина (в гидрокостюме). Через всю сцену натянута верёвка, на ней

висят на прищепках брюки и юбка. Над авансценой висит кусок рельса, стоящий рядом Костя (в брезентовой плащ-палатке с выглядывающими из-под неё голыми босыми ногами) негромко отбивает ритм, ударяя по рельсу прикладом автомата Калашникова. Позади Кости на высоких ножах стоит синтезатор.

На протяжении всего описанного ниже эпизода мюзикла темп воспроизведения музыки постепенно повышается (без изменения высоты звука), при этом к классической музыке постепенно подмешиваются, понемногу замещая её, ударные и другие современные инструменты – постепенно «Болеро» сменяется современным «хип-хопом». И соответственно жесты и движения Кости и Нины становятся все более похожими на рэперские. Время от времени Костя или Нина подходят к синтезатору (Костя – когда читает Нина и наоборот) и берут на нём в такт музыке несколько дополнительных аккордов или импровизаций.

Из-за сцены показываются подсвеченные клубы дыма. Действие начинается.

*(***** Автор просит его извинить: по «технологическим» сугубо издательским причинам продолжение текста, оформленное в виде ТАБЛИЦЫ, размещено ниже).*

На сцене	В «зрительном зале»
<p>Костя. Кончился день, ночь настаёт Чуть попритих суетливый народ.</p> <p>.....</p> <p>.....</p>	<p>Аркаева. Пётр, откуда у ребёнка оружие ? Оно не выстрелит ?</p> <p>Соркин. Это мне Фокин подарил. Он учебный, рассверленный.</p>
<p>Нина. Кончился день, выпущен пар, И затихает грошовый базар.</p> <p>.....</p> <p>.....</p>	
<p>Костя. Кто-то доволен, кто-то нет - Чувств и эмоций винегрет.</p> <p>Эти в плюсах – тех обобрали, Те в минусах – их опять ...али.</p> <p><i>(начало последнего слова «забито» свистом)</i></p> <p>.....</p> <p>.....</p>	<p>Доренко. Хм-м, начато смело.</p>
<p>Нина <i>(встаёт и выходит из холодильника).</i> Дружка у дружки тянут людишки. Смысл их жизни - эти делишки.</p> <p>Каждый морочит всех и себя, Никого не щадя, никого не любя.</p> <p>Души людей поразил целлюлит – Им наплевать, ведь душа не болит.</p> <p>Новый рассвет ничего не сулит, Не вразумит и не вдохновит.</p>	<p>Аркаева <i>(Пригорину).</i> А сценография похоже как в том спектакле – помнишь, в позапрошлом году в Праге ?</p> <p>Пригорин. Э-э... в какой-то мере... да.</p> <p>Аркаева. Мне нравится – очень мило получилось.</p> <p>Пригорин. Мило ?</p> <p>Аркаева. Ну да. Свежо и мило. Тебе лишь бы спорить.</p>
<p>Костя <i>(в глаза Аркаевой).</i> Мама, пожалуйста, пре-кра-ти ! Ну постарайся же сни-зой-ти !</p> <p>.....</p> <p>.....</p>	<p>Аркаева. Молчу, молчу...</p>
<p>Костя. Взрослые люди, «дяди и тётки», Что же вы так бездарно живёте ?</p> <p>Что же вы нам пример подаёте, Как жить не надо, «дяди и тётки» ?</p> <p>Рубель и доллар и – ваша страсть, Самовлюблённость – ваша власть.</p> <p>Все вы привыкли полужить, Полустрадать и полулЮбить.</p>	

Псевдолюбовь и псевдосемья.

Ложные цели и мнимый успех
Эрзац-улыбки, неискренний смех.

Якобы верность и недолюбовь,
Фальшь, лицемерие вновь и вновь.

Вы примирились с этой судьбой.
Все вы такие такие, я – не такой !

.....
.....

Костя и Нина вместе.

Быть или нет – для нас не вопрос !
Будем мы быть – и вот наш прогноз.

Будем мы жить звонко и ярко,
Чтоб каждый день был нам подарком,

Чтоб не стубила чёрствость и лень,
Чтоб каждый день был трудодень,

Чтобы не жить похоже на вас -
Вам говорим мы здесь и сейчас !

.....
.....

Костя (*умоляюще смотрит на Соркина*).

Дядя, родной, и даже ты !
Как всё хреново – до тошноты !

.....
.....

Костя. Здесь и сейчас – музыкальное действие

Будет представлено вам на судейство.

Музыке старой вас не пронять
Не разбудить и до душ не достать.

Музыка новая тут нужна,
Чтобы прочувствовала страна !

Мы или вы – есть и в музыках спор,
Музыки наши – наперекор !

Мы или вы – вот вопрос.
Мы – это те, кто до рэпа дорос.

Аркаева. Зачем же так окошмаривать...

Шамранин (*ухмыльнувшись*). Трудодень – придумал же.

Соркин. Похоже оно и не получится. Само собой по-другому выйдет.

Ритм поможет мне вас исцелить.
Ритм не купить, не остановить.

Рэп зародился у негров в кровИ.
В афро-америке он развит

Но лучший репер – великоросс.
Do You speak English – No, of course !

Западный рэп – коммерция, ноль.
Русский рэп – это дикая боль,

Русский рэп – это острый клинок,
Чтоб защитился, кто одинок

Костя (отвернувшись в глубину сцены и натужно полуприсев на корточки).

Мамочка, милая, перестань !
Я же твой сын, даже если дрянь !

Нина. Всё это сказано вам для разгона,
Чтоб объяснить вам первопричину
Этого мюзикла, этого стона
Двух человек, угодивших в трясиину.

В силу других серьёзных причин
Мы вам расскажем про двух буратин.
Двух буратин, наивных и честных –
Как с этим миром они несовместны !

Костя. Парень и девушка. Время настало –
В мир человеческий они погрузились,
Где человеческого мало-премало,
Бесчеловечного – в избылии.

Нина. Девочка Бура жила безмятежно –
Сотни игрушек и добрые няни,

Милая мамочка – мир белоснежный,
И не припомню какой-нибудь дряни.

С мальчиком Тино она подружилась..
Был он беззлобный и справедливый.
Даже немножко его полюбила,
И не беда, что не очень красивый.

.....
.....
.....
.....

Аркаева. Какая же Ниночка великоросс.

Пригорин. А симпатичной девушке и
необязательно быть лучшим репером.

Аркаева. Тогда не берись !

Медведев три раза оглушительно чихает, потом достаёт платок и громко высмаркивается.

Маша (укоризненно покачав головой). Се-мён
Се-мё-но-вич !

Полина Андреевна (Доренко). Вы бы
застегнули рубашку – говорю же, простудитесь

Аркаева. Неужели это про Костика...

*(***** После ТАБЛИЦЫ текст продолжается с этого места).*

Костя останавливается, безвольно и сокрушённо опускает голову и руки, разжимает пальцы – автомат падает на сцену. Вслед за Костей останавливается и Нина.

Костя *(негромко говорит себе под ноги)*. Как боялся, так и вышло... *(не поднимая головы)* Яш, выключай всё.

Через несколько секунд музыка и свет на сцене выключаются. Наступает полная тишина.

Костя *(поднимет голову и говорит в «зал»)*. Всё, финиш... Занавес.

Аркаева. Не обижайся, Костя. Прошу тебя, продолжай.

Костя. Говорю же, кирдык! Расходитесь! Всем по койкам! *(кричит в сторону сцены)* Занавес тyani!

Занавес опускается, Костя остаётся за ним.

Аркаева *(встаёт, а вместе с ней и Пригорин)*. Костик, но ведь ничего же не случилось!

Костя *(из-за занавеса)*. Всё случилось! Всё! Виноват! Я упустил из виду своё ничтожество. Писать и играть могут

только избранные. Я посягнул! Мне...

Аркаева. Костик! Выходи – давай всё обсудим... Костик!
(пауза в пять-семь секунд) Костя! (Пригорину) Борис, приведи его! (Пригорин, не торопясь, уходит за сцену)

Соркин (продолжает сидеть). Неудобно получилось... некрасиво.

С озера слышится, как заработал мотор. Постепенно рокот мотора удаляется, затихает. Пригорин возвращается с другой стороны, обогнув сцену.

Пригорин. Обошёл кругом – там никого нет. Даже этого местного «монтёра Мечникова».

Пригорин садится на сцену спиной к занавесу.

Соркин. Наверное, Костя уплыл с Ниной.

Аркаева (чуть не плача). Ну вот... Зачем мы обидели мальчика... Ведь нетрудно же было нам всем помолчать... только то. Ведь это же театр!

Маша. Мы и молчали.

Аркаева. Девочка, не дерзи... Выходит, я во всём виновата!

Доренко. Ирина Николаевна, Вас никто не винит.

Аркаева. Разве я не чувствую.

Медведев. Костя тоже хорош – мог бы немного и потер-

петь! У меня иной раз на уроке дети такое вытворяют! И ничего – терплю.

Аркаева. Дело не в терпении... Кто же знал, что для него это так серьёзно. Я думала, что он всё это придумал... так, развлечения ради. Типа «дачный спектакль» – не более. А он-то, оказывается, хотел явить миру новое мировоззрение. Так хотя бы предупредил! Да и нет ничего нового в этом его рэпе.

Пригорин. Как знать... ведь «его рэп» мы не дослушали.

Аркаева (*с грустью*). К сожалению, из ничего ничего и вырастет. Он ведь даже музыке не учился.

Соркин. Да, это я как-то упустил. Но ты, Ирочка, давно не слышала, как он научился на синтезаторе и гитаре – мне очень нравится. Самоучкой! Нина ему немного помогала.

Аркаева. И эта тоже... Ей-то зачем всё это? Отец весь в миллионах... Тоже, наверное, мнит себя талантом.

Доренко. А что ж нам отказывать им в талантах? Вполне наши дети могут быть даровитее нас. И даже должны.

Полина Андреевна (*выразительно посмотрев на Доренко*). Конечно, могут.

Аркаева. Ах, Евгений Сергеевич, Вы компетентны в своей медицине, а искусство – это же нечто совсем иное!

Соркин. А я с Женей согласен. Дети должны быть лучше, талантливее родителей – иначе и смысла нет.

Аркаева. Вот именно – должны. Но ведь не все же могут!

Пригорин. Не все, Ира, не все. Ты успокойся.

Аркаева. Тебе легко говорить, а мне он сын. Душа болит.

Небольшая пауза.

Медведев. Борис Алексеевич, а вот Вы драматург...

Пригорин. Да какой там драматург... Бэ У... Бывший в употреблении.

Медведев. Скажите, есть сейчас новые пьесы и фильмы про учителей, про школу... типа, «Доживём до понедельника»?

Пригорин. Таких, чтобы специально на эту тему, я не знаю. Но в молодёжных сериалах школьной жизни много – да Вы и сами знаете по ТВ.

Медведев. Это не то – там они совсем не учатся, и учителя все какие-то дефективные. Надо, чтобы было похоже... и вообще, показать, как важен и труден путь учителя. Особенно на селе.

Аркаева. Раньше, в моё детство, таких фильмов было много. Но разве они облегчили жизнь учителям... Но оставим эту тему... Хорошо тут на озере! А ведь раньше было ещё лучше (*Пригорину*) Борис, садись рядом – я расскажу, как тут жилось в стародавние времена.

Пригорин (*усаживаясь в кресло*). Начни, пожалуйста, с отмены крепостного права.

Аркаева. Так вот... Как приключилась «перестройка», почти одновременно построилось на озере усадеб де-

сять-пятнадцать. В основном из Москвы... одного круга люди. Сейчас-то их в разы больше, что к худшему во всех отношениях. А тогда все друг друга знали и жили дружно и весело. Наполовину потому, что подобрались хорошие люди, а на другую половину (*кивает в сторону Доренко*) – из-за него, доктора нашего. Вот он-то и сколотил компанию. Каждую неделю собирались, а то и чаще. Дни рождения, новые машины, постройки – всё отмечали. И как-то всё по-доброму, весело. И главный «устроилов» всегда был он, Евгений Сергеевич – и организатор, и тамада, и песни под гитару! Он ведь знает весь бардовский репертуар. Все женщины от пятнадцати до пятидесяти лет были в него влюблены. Даже я, грешная.

Полина Андреевна встаёт и уходит.

Пригорин. Поподробнее с этого места. И как же развивался ваш роман?

Аркаева. Увы, он был чисто платоническим – я тогда играла только в массовках и считала себя дурнушкой. О, разве я осмелилась бы к нему подойти.

Доренко. А кто терроризировал меня надушенными письмами?

Аркаева (*вспыхивает*). Наглая ложь!!!

Доренко (*смеясь и отмахиваясь руками*). Пошутил я! Пошутил. Каюсь!

Аркаева (*шутливо грозит Доренко кулаком*). Смотри у меня! ... Вот... Так вот, потом люди сюда приезжали и приезжали, строились и строились, и народу на озере стало слишком, слишком много. И компания наша постепенно распалась. Наполовину из-за этого многолюдья, (*в сторону Доренко*) наполовину из-за тебя, Евгений Сергеевич – забросил ты тогда «общественную работу».

Доренко. Даю справку: «В силу серьёзнейшей личной причины стал я совсем плохим Буратиной» – пришлось на какое-то время совсем отказаться от алкоголя. А быть непьющим «общественником» просто невозможно.

За спиной Пригорина приоткрывается занавес и из-за него робко показывается Нина.

Нина. Извините... я там сижу-сижу... не хотела выходить, Костика ждала, но получается, будто я подслушиваю...

Соркин (встаёт). Ниночка! Как я рад! Спрыгивай к нам.

Аркаева (*тихо Пригорину*). Ой... я кажется, что-то ляпнула про неё... (*громко*) Нина, но где же Костик?!

Нина. Убежал к озеру. А потом уплыл на моём гидроцикле, слышали мотор? А я... я просто не знаю, как мне быть – мне же нужно домой.

Пригорин встаёт, подаёт Нине руку, и она спрыгивает на землю. Остальные тоже встают и обступают Нину. Неза-

метно для всех возвращается Полина Андреевна.

Соркин. Какие проблемы! Илья тебя отвезёт. (*Шамранину*) Слышал?

Шамранин. Не глухой.

Доренко. Нина, вы уж с Константином нас извините – мы вели себя совершенно недопустимо.

Соркин. Да уж, Ниночка – прощенья просим.

Нина. Ничего, что я в этом костюме? Мне как-то неловко.

Пригорин. Я бы всех девушек обязал носить такие костюмы. Он Вам очень идёт, не сомневайтесь.

Аркаева. Борис!

Нина. Ой, извините – я даже не поздоровалась. Добрый вечер.

Маша (*негромко*). Добрее не бывает

Аркаева. Здравствуй, милая. (*целует Нину*). Это я и от себя и от всей компании.

Пригорин. Кто-нибудь представит Нине выдающегося прозаика?

Нина. Что Вы! Я вас знаю.

Пригорин. Теперь и я Вас. Будем знакомы.

Аркаева. Нина, ты была так эффектна на сцене – я просто любовалась. Костя вырядился в какую-то хламиду, но ты выбрала костюм очень удачно. И потом, лицо, фигура, пластика, голос, наконец общее впечатление – просто выше всяких похвал. Ты не думала о сценическом будущем или ка-

рьере в шоу-бизнесе?

Нина. Нет, правда?

Аркаева. Ну конечно же. Я говорю абсолютно серьёзно. Да тебе все подтвердят.

Соркин. Подтверждаю первым.

Пригорин. Подтверждаю вторым. Хотел первым, да не успел

Медведев. Нина, Вам обязательно нужно попытаться – с Вашими-то данными.

Маша (*негромко Медведеву*). А мне с моими?

Медведев. Машенька... (*понижает голос продолжает что-то говорить Маше на ухо*).

Аркаева. Нина, Вы, наверное, хотите переодеться?

Нина. Нет. У меня с собой ничего нет. Я так и приехала – на гидроцикле.

Аркаева (*не глядя на Машу*). Машенька, у тебя найдётся одолжить Ниночке что-нибудь из одежды?

Маша. Откуда? Она же маломерок. Разве что-нибудь из детского.

Нина. Спасибо, мне ничего не нужно. И вообще, мне пора домой. Отец сказал, что вернётся сегодня же.

Соркин. Нина, побудь с нами. А потом Илья тебя отвезёт, кода ты захочешь. Не на гидроцикле же в темноте возвращаться... э-э, когда Костик вернётся – мало ли, вдруг бревно или доска какая на воде попадётся.

Нина. Хорошо, я не надолго. Может быть, Костю до-

ждусь.

Пригорин. Так что Вы, Нина, думаете о карьере в шоу-бизнесе? Для таких девушек, как Вы, он даёт массу возможностей. Тем более, что я и Ирина Николаевна могли бы Вам помочь в первое время – свести с нужными людьми и тому подобное.

Аркаева. Борис, не преувеличивай свое влияние! А заодно и моё. Нина, конечно, я должна Вас и предупредить – это путь может оказаться трудным.

Нина. О! Я к этому готова. Вот только отец будет категорически против. Но мне всё равно.

Аркаева. Жаль... Я знаю, он у Вас состоятельный человек, а деньги... это ведь тоже один из ключей к успеху.

Появляется Яков (с мокрыми, аккуратно расчёсанными на пробор волосами). Оглядевшись, он подходит к Полине Андреевне и обращается к ней.

Яков. Полина Андреевна, так будет банкет-то?

Аркаева (*повернувшись к Якову*). Вы, Яков, совершенно твердокожий человек. Вы же видели, чем всё кончилось – какой банкет?

Яков (*глядя на Аркаеву, обращается к Соркину*). Пётр Николаевич, так ведь на Руси с горя тоже полагается выпить! Это я Вам, как русский русскому.

Доренко. Я хоть и хохол, но «русскую идею» поддерживаю и рюмочку пропустил бы.

Соркин. Хм-м... тем более, что у Полины на веранде всё равно приготовлено, (*глядя на Полину Андреевну*) так?

Полина Андреевна (*посмотрев на Доренко*). А как же? Милости просим, гости дорогие.

Соркин (*поднимается*). Вот именно – милости прошу на веранду!

Вся компания уходит со сцены (Ирина Николаевна – с Пригориным, Полина Андреевна – с Щамраевым, Маша – несколько в стороне от Медведева).

Доренко. А я ещё посижу тут минут пять, подышу. Вы ведь там не сразу. (*садится в кресло*)

Пригорин (*на ходу*). А жалко, что мы не досмотрели. Мне было интересно.

Доренко. И я того же мнения – я в Костика вообще верю.

Соркин (*на ходу*). При такой-то наследственности – как он может быть бесталанным?

Пригорин (*на ходу*). Ира, слышишь «глас народа»?

Аркаева (*уже у самого края сцены*). Жалкие льстецы.

Доренко (*вдогонку уже невидимому зрителями Соркину*). Петя, ты бы сказал Илье, чтобы забрал со сцены автомат. Кстати, ты вообще к своим ружьям безответственно относишься – висят по комнатам где попало.

Не сцене остаётся только Доренко.

Соркин (*уже из-за кулис*). Да, надо бы собрать в одно место. Илья! Принеси в дом автомат со сцены!

Пригорин возвращается быстрым шагом и присаживается возле Доренко. С озера слышен усиливающийся звук мотора. Потом он резко затихает.

Доренко (*шутливо*). Сбежали от Ирины?

Пригорин (*торопливо*). Кто она – эта девушка? Она меня... крайне заинтересовала. Расскажите.

Доренко. Хм-м... Если по моим представлениям, то несчастный человек. Впрочем, вряд ли она это понимает... Из очень, очень богатой семьи. Но как раз семью-то она фактически потеряла. Её мать, из актрис, сбежала к какому-то итальянцу, в Италию. Говорят, он голубых кровей – то ли князь, то ли виконт, а фактически бизнесмен. Наездами бывал в Москве, вот и доездили. Отец решил долго не горевать и через полгода женился по-новому, и тоже угораздило на актрисе, и тоже стервозная попалась – ИМХО. С мачехой у Нины отношения не сложились абсолютно. А в прошлом году кончила она школу, и отослал её отец учиться в Сорбонну, уж и не знаю, по какой линии. А там... дело тёмное... связалась она то ли с какой молодёжной бандой, то ли про-

сто с дурной компанией. Короче, посадили их всех на разные сроки. Вроде бы и Нина могла угодить вместе с ними, но отсудил её отец... Совершенно фантастические деньги потратил на это. И совершенно на Ниночку озверел. Сейчас она в наказание живёт безвыездно тут на озере, фактически под домашним арестом. И чем всё это кончится, одному Богу известно! Что ещё... Костик в неё, кажется, влюблён... э-э... по-настоящему. А она...

Аркаева (*из-за кулис*). Боря! Борис, где ты?

Пригорин (*кричит*). Уже иду! Я тут с Евгением Сергеевичем! (*Доренко*) Спасибо за исчерпывающую информацию. (*поднимается и уходит*)

Доренко. Борис Ильич, мой Вам совет – будьте благоразумны.

Появляется Костя.

Костя. Евгений Сергеевич, Вы одни?

Доренко (*поднимается и быстро подходит к Косте, кладёт руку ему на плечи*). Костя! Наконец-то! Где ты был?

Костя. Нигде. Намотал несколько кругов по озеру. Поостыл. А где все?

Доренко. Пошли в дом. Намечается банкет. По словам Якова, «с горя».

Костя. С горя? И у кого оно случилось?

Доренко. Да у всех. У меня – во всяком случае. У тебя.

Как же жалко, что так получилось с твоим мюзиклом!

Костя. Нет у меня никакого горя! Чуть-чуть погорячился и всё. А мюзикл... да Бог с ним.

Доренко. Ну, я очень рад, что ты успокоился. Хотя мне так жаль, что не пришлось досмотреть до конца! По крайней мере, начало было свежим и интересным. И ты, и Ниночка были очень хороши... и твой текст, и особенно музыку вы здорово придумали.

Костя. Хорошо, что я встретил именно Вас. Мне было бы трудно сейчас с кем-то другим. Даже с дядей.

Доренко. И даже с Ниной?

Костя. Где она?

Доренко. Ушла со всеми. Твоя мама наговорила ей кучу комплиментов, обласкала и совершенно обворожила. Да и другие тоже не отставали.

Костя. Она это умеет. А как Нина?

Доренко. Сначала смущалась, потом ничего – оттаяла. Послушай, Костя, я бы на твоём месте не бросал это дело – продолжил бы сочинять, писать, как-то пробиваться со всем этим! Может, может получится! Шоу-бизнеса я не знаю, но по крайней мере талант твой совершенно очевиден!

Костя. Пробиваться... Так говорите, Нина спокойна, не переживает?

Доренко. Мне кажется, да.

Костя. А ведь я люблю её, дядя Женя... Ни Маме, ни дяде не сказал бы... Вам – как-то легче...

Доренко. Я тебя понимаю. С самыми близкими людьми трудно быть откровенным.

Костя. Что же мне делать?

Доренко. Гнуть свою линию! На всех фронтах! А там уж... всё в руке Божьей.

Костя. На всех?

Доренко. Крайне желательно. Чтобы в моём возрасте не попрекать себя упущенным.

Костя. А можете Вы потихонечку вызвать Нину сюда?

Доренко. Конечно же! Уже иду. (*быстро направляется к дому*)

Костя. Евгений Сергеевич, стойте! Не надо.

Доренко (*останавливается и оборачивается*). В чём дело?

Костя. Не надо. Ей сейчас хорошо. А со мной... В другой раз... завтра как-нибудь.

Появляется Маша.

Маша (*радостно*). Ой, Костя! А Пётр Николаевич послал меня поискать тебя. А ты сразу нашёлся!

Доренко. А Костя и не думал теряться. Просто ему захотелось немного побыть одному.

Маша. Костя, пойдём домой. Тебе все так обрадуются.

Доренко. А что, Константин? Неплохой вариант на остаток вечера, а? В конце концов, придётся же помириться.

И Нина там.

Маша. Там... И весела, как котёнок у печки.

Костя. Марья Ильинична, убедительная просьба – скажите всем, что не нашли меня. Тем более, что фактически так и будет.

Костя решительно уходит со сцены в сторону, противоположную той, откуда пришла Маша.

Доренко (*вслед уходящему Косте*). Костя!

На глазах у Маши наворачиваются слёзы. Она прячет лицо в ладони.

Доренко. Ну вот (*подходит к Маше*) Маша... Машенька... Ну нельзя же так.... Ты уж прости его, Маша. Он сейчас в таком нервном состоянии – ты же понимаешь.

Маша. Я понимаю... Я всё понимаю... Только меня никто не понимает... Евгений Сергеевич, я так несчастна! Вы же видите... как он ко мне... Он... Он меня не любит. И не полюбит... Евгений Сергеевич, простите меня, что я Вас грузю своим... как на исповеди. Никому ничего не скажу. А Вам могу. Вы какой-то родной и близкий.

Доренко. Уф-ф!

Маша. Меня никто не любит!

Доренко (*обнимает Машу*). Что ты, Машенька! Что ты!

А родители – ты ведь у них единственная отрада! А Семен – он же глаз с тебя не сводит, не надышится на тебя! Что ты! Я же ближайший сосед, мне всё видно.

Маша. Семён... Он да... Даже хочет жениться... Но ведь кроме постели ему же ничего не нужно. Уж я то знаю. Тоска... Простите меня... А родители... Я как выросла – они всё дальше и дальше... Они же не понимают меня вовсе. Им всё хозяйство... *(срывается на рыдание)* Нет! Нет мне пути отсюда!

Доренко. Машенька, это всё не так ужасно, это просто под настроение попало, это бывает! И со мной бывает, и со всеми. Жизнь вообще не очень-то весёлая штука – надо уметь и перетерпеть иной раз, а как же! Завтра дай Бог солнечного весёлого утра, и тёплый ветёр унесёт всю твою грусть куда-нибудь за полярный круг. Утро вечера мудренее и веселее...

Маша. Евгений Сергеевич, помогите мне, прошу Вас! Нет сил терпеть!

Доренко. Да чем же, Машенька?! Чем!? Семёна я не исправлю, Костю приворожить не могу. Хотя Косте... ты всё же дай ему шанс – может быть он ещё тебя и разглядит. Он же совсем ещё молодой – сам был таким, знаю. Ты милая, славная, красивая – не может у тебя жизнь не наладиться!

Маша *(сбрасывает с плеч руки Доренко и вытирает кулаками слёзы, старается говорить спокойно)*. Вы... Вы такой же, как все... Что это я... Евгений Сергеевич, этого раз-

говора не было! (*медленно уходит*) И не ходите за мной.
(*приступ рыдания вновь сотрясает Машу и она убегает*).

Доренко. Господи, Твоя Воля! Ну и денёк!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Яркий солнечный день. Усадьба Соркина. Большая уютная плетеньем беседка на берегу озера. Внутри на скамье сидит Доренко. Возле него лежат журнал и карандаш. Мимо беседки проходит Полина Андреевна с ведром. Вдруг она замечает Доренко.

Полина Андреевна. Ой! Ты здесь! Я думала, ушёл.

Доренко. Куда мне – в пустой дом? Ирина скомандовала быть здесь и ждать – уговорились вместе разгадывать сканворд. Начали, да не кончили.

Полина Андреевна. Сканворд... Какой сканворд?

Доренко. Вон (*кивает*), в журнале.

Полина Андреевна. Вдвоем разгадывать?

Доренко. Не принципиально. Заходи, посидим.

Полина Андреевна заходит в беседку, оставив ведро у входа, и садится рядом с Доренко.

Полина Андреевна. Целыми днями вокруг Ирины крутишься. Что же к другой соседке не ходишь – балерина!

Доренко. Будет тебе... Мы с ней одного года.

Полина Андреевна. Справа артистка, слева балерина – ловко ты устроился.

Доренко. Не жалуясь.

Полина Андреевна. А ведь не мальчик уже. Пора бы и остепениться.

Доренко. Так ведь уже. Кандидатская есть, а докторская и ни к чему.

Полина Андреевна. Ты вот шутишь, а Маша замуж выходит.

Доренко. Да ну! Сделал, значит, Семён предложение?

Полина Андреевна. Так ведь уже не в первый раз. И решила Маша выйти. Вечером вчера сговорились.

Доренко. Так что же ты сидишь с кислым видом? Или не рада?

Полина Андреевна. Илья, вон, доволен. А я Машу не одобрила.

Доренко. Что так? Пристроить дочку за хорошего человека – это же мечта любой мамы!

Полина Андреевна. Мужик он не плохой... Разве что, зануда... И не денежный. И семья материна на нём. Да и в город Машенька мечтала... Видно, не судьба.

Доренко. Да ладно тебе причитать. Миллионы так живут – и ничего. Жених не курит, не пьёт, не дерётся – ангел! Чего же ещё?

Полина Андреевна. Да? А любовь-то? Забыл?

Доренко. Так любовь и семья – перпендикулярные вещи. Впрочем, всё от жены зависит, я так думаю.

Полина Андреевна. Ты-то думаешь, а я знаю – двадцать

лет прожила с нелюбимым... да с таким, что он этого и не заметил. А теперь и дочери такая судьба? ...Ты бы поговорил с ней, Жень?

Доренко. О чём?

Полина Андреевна. Чтобы повременила жениться.

Доренко. А зачем же ей временить? Чего она дожждётся?

Полина Андреевна. Она Костика любит.

Доренко. Так ведь он же ещё пацан. Ни денег, ни профессии – какой из него муж! Человек должен жениться в возрасте... вот, скажем, как у Семёна, не раньше.

Полина Андреевна. Ну, может, не сразу Костик женится, через годок-другой... И усадьба ему должна отойти.

Доренко. Да ведь у него с Ниной роман!

Полина Андреевна. Не любит она его.

Доренко. Да?

Полина Андреевна. Женщинам это виднее.

Доренко. Так он из-за Нины, что ли, стрелялся?

Полина Андреевна. Я думаю, так. Не из-за спектакля же.

Доренко. А по-моему, как раз из-за него. Из-за матери тоже. Тут многое совпало.

Полина Андреевна. Поговорил бы ты с Машей. Тебя она послушается.

Доренко. Ну вот опять ты! Не отец я ей! Вон, пусть Шаранин разговаривает. Да и глупости всё это. Лирика! Девке замуж предлагают, человек хороший – иди! Ты мне скажи,

вот не выйдет она сейчас за Семёна – что, лучше ей будет? Так же и будет тоска зелёная! А так хоть ночью нескучно.

Полина Андреевна. Лучше не будет. Да ведь нельзя же так.

Доренко. Как?

Полина Андреевна. Без любви.

Доренко. Опять двадцать пять! Далась вам эта любовь! Поля, оглянись – много вокруг себя увидишь семей, так чтоб с любовью? И ничего – живут!

Полина Андреевна. ...Женя... взял бы ты меня замуж, а? Хоть бы на старости лет пожил без утайки. Надоел мне Шамранин – сил нет! Раньше был – ещё туда-сюда, а теперь грубый стал, и, ей Богу, поглупел. (*торопливо*) Раньше-то, я согласна, ты бы и получше меня мог найти, в смысле, жену. А теперь-то, в эти годы лучше меня ты и не сыщешь! Кто тебя, старика полюбит? Кто позаботится?

Доренко. Поля, ну что ты?! Ты же меня знаешь – какой из меня муж!? Не та закваска! А на счёт старости, так я её не боюсь и долго жить не собираюсь. Чуть что – и хватит с меня.

Полина Андреевна (*испуганно*). Ой, Женя! (*прикрывает рот ладонью*) Неужто я правильно поняла?!

Доренко. Правильно – неправильно... Не боись, Поля – прорвёмся! У тебя что в ведре-то? Попахивает, однако.

Полина Андреевна. Удобрение. Концентрат. Женечка, не губи ты свою душу! Вот ведь что удумал!

Доренко. Ну-у! Заслабела Полина Андреевна! Беда с женщинами! Может я ещё сто лет проживу, а ты уже чуть не плачешь. Идёт кто-то – соберись.

Со стороны дома появляются и заходят в беседку Аркаева и Маша.

Аркаева.

Она пришла в беседку,
Раскрасневшаяся,
И наполнила её
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней!

Доренко. А также красотой, грацией и исковерканными стихами Блока.

Аркаева. Коверкать – это тоже надо уметь! (*морищит носик*) Фу, чем это воняет?

Полина Андреевна встаёт, забирает своё ведро и молча уходит.

Аркаева (*вслед Полине Андреевне*). Что это она не в духе?

Доренко. А Вы разве не знаете? Маша замуж выходит.

Аркаева (*оборачивается к Маше*). И ты мне не сказала?! Ай-яй-яй! Поздравляю! И даже не спрашиваю, за кого. Угадала?

Маша. За кого же ещё... Подумаешь, замуж... Ничего такого.

Аркаева. Скромность похвальна, но не до такой же степени! Мы здесь все изнываем от скуки, а тут такой повод устроить сабантуйчик!

Доренко. Уместно ли? Костя ещё не вполне оправился.

Аркаева. Так тем более – это поможет его расшевелить.

Доренко. Что ж, можно и шашлычок организовать. Только уж по-настоящему. Чтобы из свежатины. Барашка я сам куплю. Давайте назначим это дело на завтра?

Аркаева. Как барашка? Живого?

Доренко. Натурально, живого. Всё будет по высшему классу – пальчики оближете.

Аркаева. Как-то будет жалко его... Жил-жил...

Доренко. Ирина Петровна, так ведь по-любому барашку не жить – не тому, так другому.

Аркаева. Да, но всё же... Убивать прямо здесь, при нас...

Доренко. Ну зачем же при Вас-то. Это в программу не входит.

Аркаева. И Вы сможете его заколоть? Вы – врач?

Доренко. Приходилось – дело не хитрое. Но, честно говоря, думал поручить это Илье. Он всё сделает в лучшем ви-

де – и освежает, и разделяет. Так что, договорились на завтра?

Аркаева. Ну, хорошо. Если другие не против...

Аркаева встаёт, поворачивается к озеру и сладко потягивается.

Аркаева. Господи, хорошо-то как!

Маша (*восхищённо*). Какая же Вы, Ирина Николаевна, красивая!

Аркаева. Ах, Машенька, если б знали Вы, как мне эта красота недёшево даётся – тренажёры, бассейн, теннис, салоны. Я говорю не только о деньгах. Главное тут – сила воли, чтобы заставлять себя проделывать всё это. Можно сказать, сила привычки. А чего мне стоит отказываться от сладенького – кто бы знал! Дисциплина, дисциплина, и ещё раз она же. Вот, Маша, мой главный совет!

Доренко. Ну, от моего шашлыка ещё никто не отказывался. Забудете о своей дисциплине.

Аркаева. О, Евгений Сергеевич, Вы меня плохо знаете... Так на чём я остановилась? Ах, да... И ещё, Машенька, умоляю – не рожайте много детей. И лучше попозже. Максимум двух или одного – как я Костика. И фигуру сэкономите, и ребёнку сможете дать достойное воспитание. Сейчас ведь такое время – ребёнок должен вырасти конкурентоспособным!

Доренко. Ирина Николаевна, не могу молчать – совер-

шенно Вы неверно ориентируете молодёжь! Ведь чем больше детей, тем больше в жизни радости!

Аркаева. Если я не ошибаюсь, у Вас ни одного нет.

Доренко. О чём теперь крайне сожалею.

Аркаева. Так как же Вы можете поучать? Врачу – «исцелися сам»!

Доренко. Мудрые говорят, живи не как я живу, а как я учу. Кстати, великие люди крайне редко были первенцами в семье. Менделеев – так тот вообще родился семнадцатым. А то бы не родился – хорошо? Так бы и не было в таблице никаких элементов.

Маша. Взрослые, не спорьте! Не хочу я никого рожать – ни семнадцатого, ни первого... И вообще... Ничего не хочу. Буду жить, как получится. Попала жизнь в эту деревенскую колею, так что не выбраться... Ничего, сто лет уже прожила – проживу и ещё двести. Попривыкну и проживу.

Доренко. Ты, Маша, послушай старого доктора... Процент счастливых людей в деревне точно такой же, как и в городе, а среди парижских миллионеров он такой же, как среди чукотских оленеводов – уверяю тебя! Не от «местожительства» зависит счастье, нет! А, в первую очередь, от самого человека, от его души. Не нужно так мрачно смотреть на жизнь. Оглянись вокруг себя – в ней столько прекрасного: и это голубое небо, и это удивительное озеро, и чайки над ним, и не самые плохие люди вокруг тебя (не обо мне, грешном, сказано). И уж совсем медицинское: постарайся

жить без нервнотрёпки и стрессов, побольше на свежем воздухе (в деревне всё это гораздо легче, чем в городе) и почаще улыбайся – вот и будешь красавицей долго-предолго.

Маша. ...А давайте продолжим сканворд? Что там у нас осталось, Евгений Сергеевич?

Доренко (*вздыхнув и повертев журнал в руках*). Так... Вот! «Кого сыграл артист А. Конобеев в сериале „Рублёвские страсти“?» Ну-у... так не честно. Почему это я должен знать какого-то А. Конобеева, сыгравшего в каком-то сериале, которые я вообще не смотрю? Был бы вопрос о Смоктуновском или Николсоне – это я понимаю.

Маша. Просто Вы, Евгений Сергеевич отсталый человек, ничем не интересуетесь.

Доренко. Сказала – как лопатой прихлопнула... Выходит, те, кто А. Конобеевым интересуются, передовые? Всего-то и надо – Конобеева знать. Дожили... Ирина, Николаевна, Вы-то хоть знаете его?

Аркаева. И даже лично, но не близко. Тусуется...

Доренко. Ну, и каков он в этих «Рублёвских кошмарах»? Вам поверю на слово.

Аркаева. Ну, если честно... плох, как и весь сериал.

Доренко. Так какого же чёрта его пропагандируют в журнале?!

Аркаева. Ах, Евгений Сергеевич, вы же всё понимаете, к чему эти риторические вопросы... И не забудьте там вписать, кого он играл – Никиту, кажется.

Доренко (*проверив*). Подходит...

Появляется, опираясь на трость, Соркин под руку с Ниной. Следом Медведев катит инвалидное кресло.

Доренко. Пётр, зачем же ты встал?! (*поднимается и подходит к Соркину*)

Аркаева. Петя, тебе же запрещено!

Соркин. Хватит, сил моих больше нет – три дня валялся. (*в сторону Доренко*) И не ругайся! Любят доктора ругаться. Лучше похвалил бы меня за предусмотрительность (*кивает в сторону инвалидного кресла*) – видишь, катафалк при мне.

Доренко. Дошутишься! Давай, осмотрю тебя. Нина, отпустите этого нерадивого больного. (*Нина отходит от Соркина*) Так... пять медленных шагов назад, потом пять быстрых ко мне. (*Соркин выполняет*) Руки вперёд. (*Соркин выполняет*) Тремора нет... Что-нибудь болит?

Соркин. Нет, причём чувствую себя гораздо лучше, чем в постели.

Доренко. Пальцы не покалывает?

Соркин. Ни одного.

Доренко. Дай пульс. (*берёт Соркина за запястье и удерживает его около пятнадцати секунд*) ... Частых позывов нет?

Соркин. Ни Боже мой! Ни частых, ни редких.

Доренко. Ну, что же, хорошо – начинается ремиссия. Ле-

чение, само собой, продолжаем без изменения – те же таблетки и уколы... А сейчас, раз уж пришёл, так уж и быть, посиди с нами немножко (*помогает Соркину пройти в беседку и усесться*). А обратно, уж извини, на креслице поедешь, тем более, что ты его уже предусмотрел.

Соркин. Вот спасибо, Женя! И поверь, мне, действительно, гораздо лучше... А вы что здесь собрались? Сказали, будете на веранде.

Аркаева. Прихожу на веранду, распахнула окна, а за окном – такое «амбре»! Видно с полей потянуло. Тут же затворилась, а запах-то остался. Ну, я решила сюда. Тут ведь даже лучше.

Соркин. Какое там – «с полей»! Это Илья купил для огорода машину навоза, да притом самого вонючего – куриного. Я уже его отчитал – надо же, нашёл время, когда гости приехали! И как раз ветер сейчас от огорода к дому.

Аркаева. И как же теперь быть? Это же невыносимо!

Соркин. Прикроет Илья кучу плёнкой, песочком просыпет щели – ничего, через час-другой выветрится... Нина, Семён, заходите, не стойте на солнцепёке.

Нина и Медведев заходят в беседку. Семён остаётся на ногах, прислонившись к колонне.

Нина. Можно мне рядом с Вами, Ирина Петровна?

Аркаева. Конечно, милая, зачем же спрашивать!

Нина садится рядом с Аркаевой.

Соркин. А на нашей улице праздник – отец Ниночки в сопровождении молодой жены «утрахтахтакал» в Москву, (*Нине*) правильно я сказал это слово?

Нина. Минимум три дня свободы! Ура!

Соркин и Доренко (*хором, как будто сговорившись*).
Ур-ра-аа-а!!!

Нина. Ирина Петровна, можно я не отойду от Вас ни на секунду?!

Аркаева (*смеясь*). Через час-полтора естественное течение жизни покажет всю опрометчивость этой просьбы. Но попробуй.

Соркин. Все ли заметили, как хороша сегодня Нина?

Доренко. Как же, как же...

Медведев. И мне так... (*бросив взгляд на Машу*) показалось.

Маша (*почти про себя*). Как не заметить...

Аркаева. Ниночка, что я сейчас особенно отмечу, так это платье – платье, а не вульгарные джинсы – макияж (именно утренний make-up!), лёгкая небрежность в причёске – во всём виден прекрасный вкус. Молодец!

Нина (*смущённо*). Просто хотела Вам понравиться.

Соркин. А мне с Евгением Сергеевичем или, например, этому (*кивает на Медведева*) молодому человеку?

Аркаева. Хватился! Этот молодой человек у же занят! Они с Машей решили пожениться!

Соркин. И как всегда, в этом доме я обо всём узнаю последним... Ну что же... хорошее дело. Поздравлю вас, молодые люди. Дай Бог вам счастья!

Аркаева. А мы с Евгением Сергеевичем уже сговорились на завтра на счёт шашлыка.

Доренко (*Соркину*). У тебя шураскерия («мангал» *по-португальски*) в порядке?

Соркин. Что ей сделается. И угли есть.

Доренко. Ну вот и отлично, одной заботой меньше.

Соркин. А Костик-то как же?

Аркаева. Я его приведу. Ну сколько же можно сторониться людей. Пора ему возвращаться к элементарным радостям жизни.

Соркин (*в сторону Доренко*). А больному Соркину можно будет шашлычку?

Доренко. Мой шашлык противопоказаний не имеет – при употреблении в разумных пределах.

Соркин. Муйнто бень («отлично» *по-португальски*)! Да... хорошо бы Костика выманить...

Аркаева. Кто-нибудь знает, где Борис Алексеевич?

Нина. Он на кухне чистит рыбу.

Аркаева. Как рыбу? Какую рыбу?

Нина. Он же сам и выудил утром. Сказал, что был потрясающий клёв. А Полина Андреевна эту рыбу уже начала жа-

рить к обеду. Он меня просил ему помочь, да я не умею, никогда не чистила.

Аркаева. Где же он удочки раздобыл? (*Соркину*) Вы ведь с Костей не рыбаки.

Соркин. Наверное, у Ильи – у того всё найдётся: и удочки, и сети и, наверное, динамит... Так чем вы тут занимаетесь?

Аркаева. Очень интеллектуальным занятием – разгадываем сканворд. Что там у нас следующее, Евгений Сергеевич?

Доренко. Сейчас... «Смотри фото номер 3». А давайте не будем подсказывать молодёжи, интересно, узнают они этого человека? Нина, Маша, Семен – взглянитесь.

Доренко протягивает журнал Семёну, тот посмотрев на фотографию, отрицательно качает головой и передаёт его Маше.

Маша. Знакомое лицо... Нет, не вспомню. (*передает журнал Нине*)

Нина. Строгий дядечка. Наверное, известный учёный, да?

Аркаева (*посмотрев на фотографию через плечо Нины*). Удивительно знакомое лицо... Но я тоже не могу вспомнить... Действительно учёный?

Доренко. Просто нет слов... Петя, они не узнали Ринго

Старра! О времена, о люди!

Маша. А, Биттлз...

Медведев. Биттлз и я знаю.

Нина. О Биттлз все слышали. (*поёт*) «We all live in yellow submarine, Yellow submarine, yellow submarine».

Аркаева. Но это же свинство – нельзя же печатать такие плохие фотографии. По нормальной фотографии я бы Ринго непременно узнала.

Доренко. Ирина Николаевна, дело не в качестве фото, в том, что уж очень переменялось время. Сейчас молодёжь уже не знает Ринго Старра, зато отлично знакома с творчеством (*подсмотрев в журнале*) А. Конобеева. Жаль. Конечно, Ринго не был самым-самым, но и без него не было бы Биттлз.

За кулисами раздаётся Голос Пригорина: «„We all live in yellow submarine, Yellow submarine, yellow submarine“». Через несколько секунд он появляется.

Пригорин. Кто тут кричал «ура»? Почему «ура»? Наверное, узнали, что на обед будет свежая рыба? (*Нине, укоризненно*) Проболталась?

Аркаева. Вы с Ниной уже «на ты»?

Пригорин. Кухонная обстановка как-то быстро сближает людей, я ещё в армии заметил.

Аркаева. А я и не знала, что ты умеешь удить.

Пригорин. О! Это моя детская, ныне угасающая страсть. Я ведь родился в Комсомольске, отец был там лётчиком на авиазаводе. Там большинство рыбачат, чаще не на Амуре, а на окрестных озёрах. Вот меня отец и привадил.

Соркин (*с улыбкой*). Недавно в газете причитал анекдот о рыбаках. Один говорит другу, что стал ездить на рыбалку с женой. Друг спрашивает: «Ну и как она?» Человек отвечает (*Соркин смеётся*): «Спервоначально рыбу удила. А потом – ничего, втянулась».

Медведев, Пригорин и Доренко смеются.

Аркаева. Совсем не смешно.

Пригорин. Это потому, Ира, что ты не рыболов. Ничего, я тебя научу.

Аркаева. Боже, упаси!

Соркин (*посерьёзнев*). Вот мы тут смеёмся, а Костик... (*всхлипывает*) там... у себя...

Аркаева. Евгений Сергеевич утром осмотрел его – рана уже гораздо лучше.

Доренко. Но он всё ещё очень подавлен. Молчит. Внешне бесстрастен. Но... Нет, промолчу.

Соркин. Может мне всё-таки зайти к нему?

Доренко. Сказал, что по-прежнему видеть никого не хочет... Никого.

Соркин. Вот ведь... И даже Нину.

Аркаева. Даже мать.

Соркин. Мы все виноваты перед ним.

Пригорин. Я посмотрел в Интернете, его пистолет самый безопасный среди травматических – у него дульная энергия раз в двадцать меньше, чем у боевого оружия. Да и пуля – резиновая.

Доренко (*раздражённо*). «Безопасный»... Это, если не стрелять в висок с десяти сантиметров! Счастье, что он выстрелил криво, и пуля прошла вскользь.

Аркаева (*встаёт, начинает нервно ходить по беседке*). Вот ведь всё у него «криво», вся жизнь пошла как-то не так.

Соркин. Ира, подумай, что и как ты говоришь!

Аркаева. Но как он мог! Как только решился! Стреляться! И ведь не в девятнадцатом веке, а в двадцать первом! И по какому, в сущности, ничтожному поводу!

Доренко. Поводы при суициде могут быть разными, а причина одна – абсолютное отчаяние.

Соркин. Но почему?! Ведь мы же все, каждый по-своему, но любим его!? Неужели Костик не знает, не чувствует, не понимает этого?

Доренко. Нам лучше прекратить этот бесплодный разговор. И ещё раз всем напоминаю —никто из соседей и знакомых не должен узнать об этом инциденте. Так будет лучше и для Кости, и для всех нас. Кроме того, мне могут дать по шапке как врачу – я ведь не сообщил в милицию об «огнестреле».

Соркин. Только милиции нам не хватало...

Маша. А жалко, что мы не досмотрели Костин спектакль.

Теперь уже никто его не увидит.

Аркаева. Ну почему же. Он окрепнет, успокоится, и через некоторое время я сама попрошу его показать этот мюзикл.

Маша. Нет, он ни за что не согласится.

Аркаева. Маша, не спорь. Никто не знает его лучше меня. Да и не откажет же он матери.

Доренко. Вопрос непростой...

Маша. Он мне так нравился в своей роли

Соркин. Нина, расскажи, пожалуйста, что там у вас дальше было... э-э... по сюжету?

Аркаева (*Нине*). А может быть, ты нам прочтёшь что-нибудь из своей роли? Прямо сейчас?

Нина (*в замешательстве*). Ой... нет! Я, конечно, роль не забыла. Но ведь рэп нельзя читать «просто так». Да ещё без ритма и музыки... Нет, это невозможно. И сюжет рассказывать тоже как-то нехорошо. Лучше, когда Ирина Петровна попросит Костю, и мы вам покажем заново.

Пригорин. Жаль.

Соркин. Нина, а вот что мне интересно. Судя по началу, по тому тексту, что мы услышали, ваш мюзикл... он ведь проповедует определённую жизненную позицию: противостояние отцов и детей, нового старому. Это ведь всё Костя

написал, или ты ему помогала?

Нина. Нет, он всё сам.

Соркин. Но ты-то разделяешь его позицию или нет? Ты ведь тоже читала этот рэп.

Нина. Я? Мне трудно сказать. Что-то да, что-то нет. И потом, у актрисы, играющей... одну из трёх сестёр, не спрашивают, разделяет ли она позицию Чехова – ведь так, Ирина Николаевна?

Аркаева. Блестящий ответ!

Доренко. Да, в точку. Тем более, никто и не объяснит, что такое «позиция Чехова».

Нина. Можно, я добавлю? ...Конечно, я играла роль девушки, которая свои слова говорит от самого чистого сердца. Костя просил, чтобы как можно искреннее.

Пригорин. Нина, так ты хочешь стать актрисой или нет?

Нина. Если такой же успешной, как Ирина Николаевна, то конечно. Я ведь понимаю, есть много артисток с неудачной судьбой. Но не обязательно артисткой – на телевидении ведущей тоже отлично, или моделью. Только для модели я маленькая.

Пригорин. Неужели рост важнее очарования!

Нина. Я уже знавала требования.

Соркин. И ничего хорошего в жизни модели нет. Видел я один поучительный фильм, документальный – о двух сёстрах-близняшках, как две капли... Э-э... не в России было дело. Так вот... Обе красавицы и обе тренировались с малых

лет – участвовали в каких-то детских и школьных показах. А потом одна из них «забила» на это дело, как бы Костик сказал, вышла замуж за хорошего мужика среднего достатка, родила двух ребятшек, не работает – домохозяйка. И сейчас она чуть-чуть склонная к полноте прелестнейшая женщина и прямо светится от счастья. А вторая сестра таки сделала карьеру, стала одной из известнейших в мире моделей (имени не помню), заработала миллионы. Но что я увидел на экране? Худющая, замотанная, уставшая от жизни женщина, так и не улыбнувшаяся ни разу... Так вот, была бы у меня дочь, не пожелал бы ей такой жизни, и наоборот, дорого бы дал, чтобы её жизнь сложилась, как у первой сестры.

Нина. Пётр Николаевич, как Вы не понимаете – первой сестре просто повезло... ну... так выйти замуж. Но везёт немногим... Хотя бы мои родители... А второй сестре – ей ведь тоже может так же повезти, и они в этом сравниются. Зато вторая уже состоялась, уже имеет творческую профессию, уже самостоятельна. Это же не пустяки!

Аркаева. Ай да Ниночка! Просто умница. Нина, ты мне нравишься всё больше и больше. В твои годы мало кто способен так здраво рассуждать.

Доренко. На счёт «творческой профессии» – это всё же перебор. Всё же актриса и модель – две большие разницы.

Маша. Так мы не будем продолжать сканворд?

Аркаева. Да надо бы его закончить, тем более, что наш интеллектуальный потенциал удвоился.

Доренко (*всматривается в журнал*). Тогда внимание! «Электрический поезд»?

Нина. Электричка!

Доренко (*вписывает*). Э-лек-трич-ка. В масть! Дальше. «Убийца эрц-герцога Фердинанда»? Неужели киллера удалось найти... Ну? Кто у нас специалист по эрц-герцогам?

Пригорин. Я не уверен, но попробуйте вставить «Принцип».

Аркаева. Причём тут «принцип»?

Пригорин. Фамилие такое. Кажется, Гаврила Принцип, студент или гимназист.

Медведев. А имя-то у иностранца совсем рязанское.

Маша. Это Сёма так шутит.

Доренко (*вписывает*). Прин-цип. Годится. Браво российским литераторам! Быстро дело пошло. Так... «Получатель процентов с капитала»?

Аркаева. Это даже я знаю – это Петя!

Соркин (*с улыбкой*). «Петя» не подойдёт по буквам и фактически... э-э... не совсем верно.

Пригорин. Пётр Николаевич, все наверняка уже знают, может быть, Вы и мне объясните, в чём собственно состоит Ваш бизнес?

Соркин (*с улыбкой*). Да... Вам объяснишь, а Вы потом вставьте меня в свой роман как противного «нового русского».

Пригорин. Обижаете – разве я похож на романиста!

Аркаева (*Соркину*). Да и русский ты всего наполовину.

Соркин. Ну, если коротко... Работал в торгпредстве в Рио... в Рио-де-Жанейро. В то время много чего по машиностроению шло из Союза. Потом перестройка. Туда-сюда... Подходит ко мне один старый знакомый – бразильский фирмач, не из крупных, и предлагает организовать на двоих компанию по импорту из России металлорежущего инструмента: мои – контакты и связи с российскими заводами, его – небольшой начальный капитал и сбыт в Бразилии. И как-то быстро раскрутились! Тогда это ещё было возможно. Инструмента в России было навалом, и продавали его за гроши. Но скоро не стало в России никакого инструмента, потом и самих заводов. А надо было товар подешевле – пришлось мне в Китае закупать, сколько раз там был! Потом болезнь, обострения, в тропиках нельзя, перелёты нельзя – вот и осел тут, на исторической родине. А бразилец переводит мне кое-какие деньги, но всё меньше и меньше – говорит, плохи стали дела, поди проверь... Кстати, Вы не поверите, но зовут его Педро, хотя в Бразилии это имя не так уж популярно.

Пригорин. А ведь Ваша, Пётр Николаевич, история и в самом деле могла бы стать основой... не романа, конечно, а симпатичного сценария. Надо только обязательно добавить любовную линию. Но о Вашей амурной жизни бразильского периода я Вас порасспрошу в другой раз – поподробнее и не при дамах.

Маша. Почему же? Дамам тоже интересно.

Аркаева. Это они заботятся о нашей нравственности.

Соркин. Уж и не знаю, Борис Алексеевич, всерьёз вы говорите или шутите, но кое-что об этой «линии» я бы мог Вам рассказать. Тем более в Бразилии такого рада отношения... так скажем, имеют определенную специфику.

Доренко. Да! Пожил ты, Пётр, себе на радость, нам на зависть! Пока я тут воевал с людскими болячками, ты там с мулатками на Копакабана упражнялся...

Соркин (*мечтательно*). Нет...

Доренко. Не с мулатками?

Соркин. Да нет же – Копакабана слишком большая и шумная, я больше любил Ипанему, она и к дому была ближе (*запел босса-нову «Гаррота де Ипанема»*)

Olha que coisa mais linda
Mais cheia de graça
E ela menina
Que vem e que passa
Num doce balanço
Caminho do mar.

Ah, porque estou tão sozinho
Ah, porque tudo e tão triste
Ah, a beleza que existe
A beleza que não é só minha
Que também passa sozinha...

Все аплодируют. Возгласы «браво», «бис», «круто».

Доренко. Вот и имей дело с таким пациентом!

Соркин. Да... были когда-то и мы...

Доренко (*с журналом и карандашом в руках*). Коллеги, вы не забыли, что мы разгадываем сканворд? Осталось последнее слово. «От великого до смешного один шаг», кто-нибудь знает автора этой истины?

Медведев. Пишите «Наполеон» – железно!

Маша. Хм-м, надо же.

Аркаева. И я бы никогда не подумала.

Доренко (*проверяет и вписывает*). Однако, подходит. Всё! В который раз человеческий гений победил! Слава Кобнееву!

Соркин. Это кто такой?

Доренко. Так... приятель Ирины Николаевны.

Аркаева. Никак, Евгений Сергеевич, не пойму – вы язвительный или ехидный?

Доренко. Простите, иногда шучу и неудачно.

Входит Шамранин, за ним Полина Андреевна.

Шамранин. Привет Честной компании! (*Аркаевой, кивнув на жену*) Вот, Полина говорит,

Вы с ней собираетесь в Троицкий монастырь. Верно?

Аркаева. Да, хочу помолиться за Костика.

Шамранин. Отлично! А каким образом? На какой машине?

Соркин. Что значит, «образом»? Как ты привёз гостей из Москвы, так и в Троицкий отвезёшь – на моей машине. Даю тебе такое задание.

Шамранин. Отлично! Только машина на ремонте.

Соркин. Как на ремонте? Что с ней?

Шамранин. Да ведь вы знаете – кондиционер барахлит. То ли главный клапан, то ли муфта не в порядке. Ну, я и снял его – посмотреть.

Соркин. То ли ты... глухой, то ли меня ни в грош не ставишь! Я же сказал тебе – ничего не трогать, пока Ирина Николаевна гостит! Вдруг куда съездить захочет. Вот и захотела.

Шамранин. Разве можно Ирину Николаевну без кондиционера возить! Я и подумал...

Соркин. Господи, Боже мой! Он подумал! А я сказал – что собачка твякнула? Ну, ладно... Снял кондиционер... Но без него-то можно ездить на машине, так?

Шамранин (*чуть-чуть виновато*). Чтоб его снять, там полмотора разобрать надо было... Николай Петрович, за пару дней всё закончу!

Соркин. Ну не вредитель?! А фреоном как заправлять будешь?

Шамранин. Хладагент... Это на сервис надо ехать.

Соркин. Ну и чего ты сэкономил – всё равно на сервис надо! Да ведь и не починишь ты ничего – сколько случаев было.

Шамранин. Были случаи, что и чинил... И вообще, машине восемь лет уже. Давно пора поменять. Говорил вам, говорил... А теперь претензии... Ирина Николаевна, чисто из уважения к Вам получилось! Хотел, как лучше.

Аркаева. Я что-то не пойму – я никуда не еду?

Шамранин. Ирина Николаевна, для Вас же хотел как лучше... А то давайте я Вас на своей?

Аркаева. На ржавой «копейке», в которой возят цемент и грязные мешки?

Соркин. Ирочка, можно вызвать такси из Поняева.

Аркаева. Ха! Проезжала через этот мегаполис. Видела и такси поняевские – эти зачуханные раздолбанные «четвёрки». Нет уж – увольте!

Шамранин. Ирина Николаевна, да что же Вы не войдёте в положение!

Аркаева. Я... я же вижу отношение к себе... Сначала этот навоз под окнами, теперь эта история с машиной! Пётр, вызови, вызови таки! Только я на нём уеду – в Москву!

Соркин. Ну, Шамраев!

Шамранин. Вот вы как!? Тогда ищите себе другого дурака работать тут за гроши! Ухожу! Увольняюсь!

Шамраев быстро уходит. Полина Андреевна кидается

за ним.

Полина Андреевна. Илья! Илья!

Полина Андреевна убегает.

Аркаева. Как ни приеду сюда... в последние годы – всегда... всегда такого типа история. Нет, всё – это было в последний раз! На-до-е-ло! Борис, ты слышал – мы уезжаем!

Аркаева быстро уходит в сторону дома. Пригорин следом за ней.

Пригорин (*на ходу*). Ира, подожди! Ну зачем же так!

Соркин (*кричит вслед Аркаевой*). Ира! А как же Костик!?

Доренко. Ого! Я вижу, в этом доме иногда бушуют нешуточные страсти.

Маша. Отец и в семье такой – всё делает по-своему и наперекор.

Медведев. Как-то просил меня помочь поправить ворота. Прихожу – заметьте, пять километров в один конец. А он в город уехал! Главное, сам же просил – я урок перенёс.

Нина. Разве можно так с Ириной Николаевной. Как я её понимаю!

Доренко. Вот ведь совпало – и моя «Волга» не на ходу. Отвёз бы её – какие проблемы.

Соркин. Надо будет пойти к ней извиниться (*оглядывает всех*) ... Мне что ли? Как хозяину всего этого безобразия?

Маша. Просто ей уже хочется в Москву. Надоела наша убогость.

Медведев. Я вообще удивляюсь, как она долго погостила.

Доренко. Из-за Кости, понятно. Лучше мне с ней поговорить. Скажу, что Косте будет легче, если она будет рядом. Тем более, что так оно и должно быть. Эх-х... Похоже, шашлык отменяется.

Доренко встаёт и идёт вслед Аркаевой и Пригорину.

Доренко (*обернувшись*). Семён, будь добр, отвези Петра Николаевича – до спальни. И чтобы сразу лечь – Пётр, без фокусов!

Доренко уходит. Медведев встаёт и подходит к Соркину.

Медведев. Пётр Николаевич, Вам помочь?

Соркин. Спасибо, Сёма, я сам.

Маша (*встаёт и потягивается*). Пойду к себе.

Медведев (*Маше*). Я приду через пять минут.

Маша уходит в направлении от дома. Соркин не без труда усаживается в кресло, и Медведев везёт его домой.

Соркин. Семён, остановись. (*обернувшись к Нине*) Ничка, а ты? Побудешь ещё у нас?

Нина. Да. Хочу проводить... попрощаться с Ириной Николаевной.

Соркин. Ну, всего тебе доброго. До свидания. Завтра приезжай.

Нина. До свидания, Пётр Николаевич. Я постараюсь.

Соркин. Поехали, Сёма.

Медведев увозит Соркина. Нина остаётся в беседке одна. Она встаёт, поворачивается к озеру и через некоторое время произносит:

Нина.

Great, wide, beautiful, wonderful world,
With the wonderful water round you curled.

Откуда-то раздаётся голос Кости.

Костя.

Жук ел траву, жука клевала птица,
Хорек пил мозг из птичьей головы,
И страхом перекошенные лица
Двух буратин глядели из травы.

Услышав голос Кости, Нина резко оборачивается. Появ-

ляется Костя – с забинтованной головой. В руке он держит за крыло мёртвую чайку. Он останавливается в нескольких шагах от беседки.

Нина. Убил?

Костя. Сама сдохла. Валялась на берегу.

Нина. Куда ты её?

Костя. Брошу в мусор.

Нина. Привет.

Костя. Тому, кого нет.

Нина. Болит?

Костя. На перевязках.

Нина. Ты специально?

Костя. Специально что?

Нина. Криво стрелял.

Костя. А как было надо?

Нина. Было не надо.

Костя. Да?

Нина. Да.

Костя. Ты права... Все правы. Кроме меня.

Нина. Мы разговариваем, как ненормальные.

Костя. Я думал, мы оба ненормальны, теперь вижу, что я один.

Нина. Ты из-за меня или из-за спек... из-за мюзикла?

Костя. А ты переменялась. Как они приехали, так ты и переменялась.

Нина. У меня мозги встали на место. Со щелчком.

Костя. Знаешь, что я тебя люблю?

Нина. Да.

Костя. И что?

Нина. А что?

Костя. Но ты же была другой!

Нина. Лучше? Хуже?

Костя. Ты была моей Ниной.

Нина. Я не хочу быть чьей.

Костя. Если подойду?

Нина. Не хочу.

Костя. А чего хочешь?

Нина. Серьёзно?

Костя. Ну, например.

Нина. Ну, например, стать, как твоя мама.

Костя. И родить меня?

Нина. Такого, как ты?

Костя. Она несчастный человек.

Нина. А у меня всё сбудется.

Костя. Она не поможет тебе. Ни капли.

Нина. На неё я не надеюсь.

Костя. Надо же. А на кого?

Нина. На себя.

Костя. Круто.

Нина. Только так.

Костя. А где моя Нина?

Нина. Скончалась. Вон (*кивает на чайку в руке Кости*), как твоя чайка.

Костя. Мне никогда... Я не полюблю другую.

Нина. Так не бывает.

Костя. Так есть.

Нина. Может быть, мы просто стали взрослыми.

Костя. Ты хочешь уйти из моей жизни.

Нина. Жаль, что мы не остались друзьями. Такого друга у меня уже никогда не будет.

Костя. Мы заболтались.

Нина. У тебя всё будет хорошо.

Костя. Без тебя?

Нина. Да.

Костя. А у тебя?

Нина. И у меня.

Костя. Я пойду.

Нина. К себе?

Костя. Я всегда у себя. Приходи. Я буду всё время ждать.

Нина. Нет.

Костя. Да.

Нина отрицательно кивает головой. Костя резко поворачивается и быстро уходит.

Оставшись одна, Нина выбирает номер телефона, звонит и через несколько секунд даёт отбой. Затем достаёт из кармана зеркальце и помаду и слегка подкрашивает губы.

Быстрыми шагами к беседке подходит Пригорин. Он подходит к Нине и берёт её за руки.

Пригорин. Ну, наконец-то! Я так волновался.

Нина. Тут был Костик.

Пригорин. Как он?

Нина. Почти в порядке. А что Ирина Николаевна?

Пригорин. Успокоилась, уезжать раздумала, легла немного позагорать у фонтана.

Нина. Вы её любите? Ведь её нельзя не любить?

Пригорин. Разве мы не перешли на «ты»?

Нина. И всё же?

Пригорин. Разве ты не чувствуешь моего отношения к тебе? И разве это совместимо с любовью к другой женщине?

Нина. Я ведь Вас... тебя совсем не знаю. Только, что Вы... ты известный драматург и писатель.

Пригорин (*грустно усмехнувшись*). ...Я мог бы изображать перед тобой... их обоих... раз для тебя это... важно... Но я... я увидел тебя, и понял, сейчас или никогда... с тобой или никогда. Наверное, этот разговор – самый важный в моей жизни, и он... то, что я сейчас скажу, удивит тебя. Но прошу, выслушай, не перебивая. Это будет как на духу, как исповедь... Ужасно скажут и путаются мысли... Нина, я как увидел тебя, понял – это она... которую я искал всю жизнь. Я почувствовал... словно перст Божий подтолкнул к тебе мою

душу. Я уверен – я люблю тебя, Нина. И как раз поэтому я хочу понравиться тебе таким, какой я есть на самом деле – настоящим, а не афишным Пригориным. Морочить тебе голову, чтобы потом ты во мне разочаровалась – нет, только не это!

Нина. Этого никогда не случится!

Пригорин. ...Присядем...

Пригорин и Нина садятся на скамью.

Пригорин. Надо, чтобы ты знала обо мне всё, абсолютно, только правду... Никак не приходят верные слова... Нина, я хочу начать новую жизнь. «Известный драматург и писатель»... «Известный» – пожалуй, в какой-то мере.. А драматургом и писателем я себя уже давно не считаю. Пьес я больше вообще не пишу. Это занятие вообще – сплошное разочарование. У литераторов средних способностей, вроде меня, лишь немногие пьесы принимаются театрами. Критерии отбора мутны и расплывчаты... Нет, пьес я не пишу. Да и жить на это невозможно. То же и сценарии. Кинорежиссёр – он ведь тоже человек, поставит сценарий, написанный женой, отцом, другом или, на худой конец, напишет его сам – и ничего, хоть и не Бог, об горшки не обожжётся. А я... я не до такой степени свой в киномире, чтобы быть в нём успешным. Единственный фильм за пятнадцать лет... Быть писателем в обычном смысле... писать ро-

ман – это и несовременно, и непрактично, и... по-настоящему трудно... Впрочем, пишу... уже лет пять, и конца не видно. И опять-таки, на романах не проживёшь... А писать макулатуру, опускаться до уровня «мастериц»... морально способных настроичить два-три десятка страниц «в смену» – это мне просто омерзительно. И вот этот злополучный соавтор трёх неярких спектаклей, серенького фильма и незаконченного романа сидит, Нина рядом, с тобой... Такой вот драматург и писатель... И однако же, да – «известный»... Писать юмор я начал случайно, я и не думал, что могу. Да по мне и не скажешь, что остроумный и весёлый человек, ведь так? Впрочем, до Иванецкого мне как до Луны... Монологи, скетчи, интермедии... Для кого, Нина, только не писал... Но всё это тоже чёрный и чёрствый хлеб... Зритель тебя не знает, всё исполнителю... И вот оно, моё «счастье» – однажды предложили мне выступить в концерте самому... История типа «солистка заболела»... Вышел – вышел на мёртвых ногах, читал по бумажке, ушёл со сцены в беспамятстве, но под аплодисменты. Всё, говорят, так и держи образ – изображай обаятельного дуrolома. И пошлo... И вот уже и телевидение и кое-какая известность. Когда выходишь, представляют как писателя... Ужас... И уже работать необязательно. То в одном жури, то в другом... Плохонько поют – сижу, кривенько пляшут – сижу, песенки угадывают – сижу. И ведь не понимают люди, что знать всю эту попсу – это же просто стыдно! Но я-то ведь понимаю – и всё равно сижу! Нина, я уже

на пределе – ведь нельзя же так жить!

Нина. Как называется твой роман?

Пригорин. «Апостериориум».

Нина. «Априори» наоборот? После прожитого?

Пригорин. Умница – именно так.

Нина. Это роман о несчастной любви?

Пригорин. Да.

Нина. Ты обязательно его закончишь, и он будет великолепен! Это будет твоя книга о Понтии Пилате. Ты будешь много работать и закончишь его.

Пригорин. Ты уверена, что я «мастер»?

Нина. Ты им станешь... в тот день, когда закончишь роман. Это должно быть одновременно.

Пригорин. И ты станешь моей Маргаритой.

Нина. Она мне не нравится. Я просто буду с тобой... Ты ведь этого хочешь?

Пригорин. Как ничего другого.

Нина. Мне кажется, я за десять минут повзрослела вдвое.

Пригорин. А Ирина... она меня просто приручила. Как-то само собой мы сошлись, и очень просто, обыденно... Без громких фраз.

Нина. Она может очаровать кого угодно.

Пригорин. Может... Пружина совести моей сжата до предела... Я живу во лжи... по уши. И в профессии, и в жизни... Тоже самое Ирина... Нельзя жить с нелюбимой женщиной и изображать любовь. Она, конечно, шикар-

ная женщина и нравилась мне раньше – на сцене, на экране. Но... Господи, как я устал! Работа – только ради денег, личная жизнь – только ради... непонятно чего. Привык – и живу. И вдруг – ты! Как глоток воды в пустыне, как первый вздох еле вынырнувшего человека!

Нина. Но ты же ничего обо мне не знаешь.

Пригорин. О тебе – почти ничего. Зато я знаю тебя. Знаю всё – с первого взгляда.

Нина. ...Трудно будет расстаться?

Пригорин. Да... В смысле... это тяжёлый разговор.

Нина. Как удивительно – оказывается, выбирая между мной и Аркаевой, можно выбрать меня.

Пригорин. Для меня это выбор между родниковой водой и лимонадом.

Нина. Многие выберут лимонад.

Пригорин. Но не я. Я его уже обпился. До тошноты.

Нина. И когда?

Пригорин. Надо поговорить сегодня же.

Нина. Помни, теперь я всегда с тобой. Я уже сделала свой шаг. Ты тоже?

Пригорин. Я? Да... Да, конечно.

Нина. Голова кругом... Неужели это происходит со мной... Всё в один день... Поцелуй меня!

Пригорин охватывает голову Нины руками и целует её в губы.

Пригорин. Нина, я вдвое старше тебя, но чувствую то же самое. Понимаешь, в молодости я был очень стеснительным парнем, можно сказать, рохлей. Да и сейчас... Разве что в последние годы чуть переменялся... Что мы всё обо мне! Нина, тебе же нужно учиться – будешь поступать, например, в театральный? В этом году уже не получится, через год?

Нина. Как ты скажешь, я буду тебя слушаться, хорошо?

Пригорин. Но ты же хочешь стать актрисой, так?

Нина. Борис... не нужно сейчас об этом, это сейчас не главное.

Из-за кулис негромко раздаётся музыка и голос Аркаевой.

Аркаева. Боря! (*потом ближе и громче*) Бори-ис, ты где-е?!

Нина. Мне остаться?

Пригорин (*торопливо*). Да! То есть, нет. Лучше я один.

Нина. Тогда убегаю.

Нина делает пару шагов в сторону от Аркаевой, возвращается, целует Пригорина в губы и быстро уходит.

Появляется Аркаева – с полотенцем на плече и включённым миниатюрным радиоприёмником в руке, настроенным на радиостанцию «Русский шансон»

Аркаева (*Вглядываясь вслед ушедшей Нине*). Так... птичка упорхнула. Потянуло на малолеток?

Пригорин. Ира, зачем же в таком тоне.

Аркаева (*усаживается рядом с Пригоринным, кладёт полотенце и радиоприёмник на лавку рядом с собой*). Впрочем, не важно – Боря, пойдём собираться, я всё же решила уехать сегодня.

Пригорин. А я бы ещё остался на недельку. Отдохнул бы, порыбачил.

Аркаева. Интересно, в каком качестве ты останешься – ведь это я тебя привезла.

Пригорин. В качестве гостя Петра Николаевича – надеюсь, он не будет против.

Аркаева. То есть ты хочешь, чтобы я уехала одна?

Пригорин. Ну... в общем да, раз тебе надо.

Аркаева (*резким движением выключает радиоприёмник*). Ну и мерзавка! (*грозит вслед Нине кулаком*) Пригрелась! ...Боря, это же просто смешно! Ты и это ничтожество – что у может быть общего?!

Пригорин (*укоризненно*). Ирина!?

Аркаева. Ты хочешь остаться с ней? Не юли.

Пригорин. Ира... я уже давно пришёл к мысли, что нам нужно расстаться. Так будет лучше для нас обоих. Мы уже не те, уже давно нет той свежести чувств. Осталась только привычка.

Аркаева. Борис! Что я слышу?! Опомнись! Она же де-

шёвка, нуль! Да, рожица смазливая, но таких – десяток в любом вагоне метро.

Пригорин. Ира, не говорю о ней, я говорю о нас!

Аркаева. Нет, не о нас, а только о себе! Это ведь ты хочешь уйти. Да даже, в сущности, и не хочешь – ты просто запутался в своих ощущениях! Поверь, я знаю тебя лучше, чем ты сам!

Пригорин. Как жена бедняги Хоботова?

Аркаева. Как тебе не стыдно?! Разве я так к тебе отношусь? Я же во всём ставлю тебя выше себя! Ты же знаешь это! Тем более подумай, кто она, и кто ты. О тебе знает вся страна!

Пригорин. Как я подворовываю шутки на интернетовских форумах...

Аркаева. Не юродствуй.

Пригорин. Я люблю её!

Аркаева. Мираж! Самообман! Уже через неделю сам удивишься, что смог сказать такое.

Пригорин. Ира... Ирочка... Ты же роскошная женщина, красавица. Ну что тебе во мне? На моё место тут же найдётся сотня охотников, куда более достойных. Освободи меня, Ира, умоляю!

Аркаева. Господи, как ты близорук! Да разгляди же во мне любящую тебя женщину! Готовую ради тебя на всё! Зачем мне эти сотни, если я люблю только тебя?!

Пригорин. Но мне, мне-то что делать? Я больше не могу

томиться в этой тюрьме, в золотой клетке. Освободи меня!
Открой клетку! Если ты меня действительно любишь.

Аркаева (*более спокойно*). Любовь не лишает меня разума. И она подсказывает мне совсем иное.

Пригорин опускается перед Аркаевой на колени.

Пригорин. Ну как, как мне тебя убедить?!

Аркаева (*холодно*). Никак. Ты свободен. Делай, что хочешь. Но знай, что я покончу с собой.

Пригорин. Ира, что ты говоришь!!!

Аркаева. Мой сын решился на это по куда меньшей причине. Смогу и я... Бедный Костик, как я тебя понимаю...

Пригорин. Боже мой! Ну причём тут Костя!

Аркаева. Он мой сын, а я – его мать.

Пригорин. Но мы же все хором говорили, что его поступок не имеет оправдания! И ты тоже!

Аркаева. Его – нет. А я – это же всё по-другому. (*задумчиво*) Может быть, такая решимость у нас в крови...

Пригорин. Что же ты со мной делаешь?! Твои слова режут меня на части!

Аркаева тоже опускается на колени лицом к Пригорину, обнимает и часто-часто целует его.

Аркаева. Милый мой! Единственный, незабвенный, сол-

нышко, радость моя! Никто не полюбит тебя так, как я! Видишь – ради нашей любви, нашего будущего я готова на всё, не пожалею и жизни!

Пригорин тихо плачет.

Аркаева. Ведь ты веришь мне, да! Ты ведь не убьёшь меня, правда? (*прикрывает ладонью рот Пригорину*) Молчи, умоляю! О! Как ты будешь вознаграждён! Ты никогда, никогда не пожалеешь об этом!

Всхлипывая, Пригорин опускает голову на плечо Аркаевой, которая гладит его по волосам.

Аркаева. Мир, Боренька? Мир?

Пригорин безвольно и обречённо кивает утвердительно головой.

Аркаева. Сейчас мы пойдём в нашу комнату. Ты полежишь, успокоишься и отдохнёшь. А я потихонечку начну собираться. Прочь, прочь из этого гнилого болота! Москва тебя быстро освежит. Ты вернёшься к любимой работе, к своим зрителям. Или мы слетаем на пару недель в Бразилию – Петя сколько раз советовал. Сейчас там как раз зима, не жарко. Хочешь в Бразилию? Всё будет только так, как ты захо-

чешь. Всегда-всегда! Ты ведь уже не плачешь, Боренька?

Не поднимая глаз, Пригорин отрицательно качает головой.

Аркаева. Умница. Ты смог. Ты пересилил. Я горжусь тобой.

Пригорин тяжело встаёт, вытирает пальцами под глазами слёзы. Через несколько секунд он отряхивает пыль с колен.

Пригорин. У тебя есть платок?

Аркаева. В сумке у фонтана.

Пригорин. Мне нужно побыть одному.

Аркаева. Конечно, милый. Я тебя понимаю. Так мы уезжаем сегодня? Как ты хочешь?

Пригорин. Уже поздно. Завтра с утра.

Аркаева. Хорошо. Пусть будет по-твоему.

Пригорин медленно уходит в сторону дома. Проводив его взглядом, Аркаева поворачивается к озеру и некоторое время молча смотрит на него, воздев руки и сладко потянувшись

Аркаева (*воздев руки и сладко потянувшись*). И всё-таки...!

Несколько раз покачав головой вправо-влево, Аркаева массирует себе шею пальцами, затем делает несколько полных круговых движений головой вправо и влево. Потом включает радиоприёмник (раздаётся мажорная мелодия) и уже под музыку начинает тщательно делать гимнастическое упражнение: взяв полотенце за концы, она поднимает руки, отставляя ногу назад и делая глубокий вдох, затем опускает руки с полотенцем до колен, приставляя ногу и делая акцентированный выдох.

Со стороны дома слышится голос Соркина.

Соркин (*кричит*). Ира!!! Где она?! Полина, где Ира?!

Аркаева (*про себя, не переставая делать гимнастическое упражнение*). Да что они все сегодня с ума посходили. (*кричит в сторону Соркина*) Петя! Я в беседке! (*продолжает делать упражнение*)

Быстрым неровным шагом появляется Соркин. Он задыхается и крайне возбуждён.

Аркаева. Ну что ты ревёшь как раненый пароход.

Соркин. Ты!!! ... Ты! Как ты могла?! Только не говори, что это не ты!

Аркаева (*спокойно продолжая свою гимнастику*). Да что стряслось-то?

Соркин. И она ещё спрашивает! На всех сайтах новость – самоубийство сына звезды сериалов Аркаевой! Нет, ну как только ты додумалась?!

Аркаева. Перестань кричать, тебе вредно.

Соркин смахивает со скамьи радиоприёмник – ударившись о землю, приёмник замолкает. Аркаева спокойно садится на скамью.

Соркин. Господи, ведь это же твой сын!

Аркаева. Это мой сын, и по крайней мере сегодня с ним не случилось ничего плохого.

Соркин. Как?! А эти сообщения?! Ты же ославила его на всю Россию!

Аркаева. Пётр, его репутация ничуть не пострадала.

Соркин. Если только в глазах таких, как ты сама! А ты подумала, как это воспримет сам Костик?! Бедный мой мальчик...

Аркаева. Не твой, а мой. И сейчас (к сожалению, конечно) он в таком состоянии... что вряд ли его интересуют какие-либо публикации.

Соркин (*менее эмоционально*). Ты ведь не круглая дура. А значит, у тебя просто нет сердца! Тебе годится любой способ привлечь к себе внимание. Абсолютно любой. А тут возможность такой рекламы! Ты даже через чур умна – сказано, не попытка самоубийства, а самоубийство. Специально, что-

бы через пару дней был повод дать уточнение. Будет и третья новость – сын Аркаевой вне опасности. Не пони-ма-ю! Спекулировать самым святым!

Аркаева. Боже мой! Сколько пафоса! На самом деле ты просто плохо знаешь Костю – он же всего-навсего посмеётся над всем этим, и всё. Ты понимаешь – всё!

Соркин (*снова возбуждаясь*). Нет! Это ты пойми! Он же уже решил на это! Уже! Счастье, что этого не случилось! А ты его снова подталкиваешь к этой мысли! Ты, его мать! Ведь накликаешь беду!

Аркаева. Какие там клики... Это на клавиатуре. Пётр, ну помысли трезво и рационально – ведь ничего же не случилось! Подумаешь, какое-то сообщение, да ещё и недостоверное. А ты раздул из мухи... тираннозавра какого-то.

Соркин. Как об стену... Доводы сердца тебе абсолютно непонятны... Но ты хотя бы понимаешь, что нагадила Доренке? Он оказывал медпомощь при огнестрельном ранении и не сообщил об этом в органы. Между прочим, ради нас, ради Костика! И он же просил нас всех помалкивать!

Аркаева. Вот видишь – если бы всё было по закону, информация всё равно ушла бы из семьи! А ты набросился на меня аки тать в ночи. А оказывается, так должно было случиться по закону!

Соркин. Да ведь просил же Доренко!

Аркаева (*отмахивается*). Евгений Сергеевич – милейший человек. Я с ним поговорю и всё улажу. Да и какие стро-

гости могут быть тут, в деревне.

Соркин (*негромко*). ...Какая же ты дрянь.

Аркаева. Жалкий склеротик! Лох! Тупица!

Соркин. ...Бедный Костик. Он же...

Соркин откидывается на спинку сиденья и начинает с него медленно сползать.

Аркаева (*тревожно*). Петя, что с тобой? Приступ?

Соркин отмахивается вялым, неопределённым жестом.

Аркаева (*кричит в сторону дома*). Боря! Илья! Костя! Доктора!!!

Аркаева бросается в сторону дома, но с трёх-четырёх шагов возвращается, забирает полотенце и окончательно убегает.

Вечер того же дня.

Голос Кости – ещё из-за кулис.

Костя. Эта беседка – моё любимое место.

Появляются Костя и Аркаева.

Костя. Сегодня с утра тут было столпотворение. А когда гостей нет, в неё никто, кроме меня, и не заходит. Я даже Интернет сюда провёл. Особенно хорошо вечером. Тихо... и экран не бликует.

Аркаева. А комары?

Костя. А, ерунда – намазался, и всё! Другое дело мошки, мотыльки – приходится сдувать. Когда темно, и экран в ночи, как-то всё по-особенному. Вы поженитесь с писателем?

Аркаева (*после небольшой паузы, неуверенно*). Да.

Костя. А в чём проблема?

Аркаева. Проблемы нет... Просто... мы же с Борисом Алексеевичем публичные люди. Понимаешь, для нас помолвка, свадьба – это мощный пиар. А такого рода ресурсы нужно тратить рационально, в оптимальный момент, а кое-что и на чёрный день приберечь, понимаешь?

Костя. Свадьба на чёрный день? Мир сошёл с ума. Точнее, та его часть, в которой ты живёшь.

Аркаева. Увы, таков путь к успеху.

Костя. В жизни?

Аркаева. ... Скорее, в профессии.

Костя. Значит, не в жизни... А тогда зачем успех?

Аркаева. Ты хочешь расстроить меня!

Костя. Что ты, мамочка! Я так тебя люблю! Я просто хочу, чтобы ты была счастливая.

Аркаева (*обнимает и целует Костю*). Милый мой! Кровиночка моя! Золотой ты мой! Ну, почему, почему мы так

далеки друг от друга, почему мы не живём вместе!

Костя. Почему, мама?

Аркаева (*отстраняется*). Как же трудно с тобой разговаривать. Твоя прямота...

Костя. А разве с мамой надо говорить по-другому?

Аркаева. Нет, но... Иногда чувствуешь, что сколько не объясняй, тебя не поймут... Ты влюблен в Нину?

Костя. ... Если честно и коротко, то да.

Аркаева. Она мне не нравится.

Костя. Я ей тоже. Особенно после вашего приезда. Или моей попытки с мюзиклом. Или чего-то ещё.

Аркаева. Мюзикл... Костик, ты даже не понимаешь, что это такое. Знаешь, что в мюзикле самое главное?

Костя. Современные технологии?

Аркаева. Нет.

Костя. Синтез разных искусств?

Аркаева. Нет – бюджет в миллионы долларов, десятки миллионов! Пойми, не может быть мюзикла в дачном театре – принципиально!

Костя. Значит, гениальные стихи не могут быть написаны на плохой бумаге – что-то не верится.

Аркаева. Причём тут стихи. Я ведь тебе говорю конкретно. Напрасно ты всё это затеял.

Костя. Да.

Аркаева. Вот видишь – ты со мной уже согласен. Молодец. Я понимаю, в твои годы переживания так остры – и без-

успешная любовь, и эта неудача. Но уверяю тебя всем своим и чужим опытом – ты даже удивишься, как скоро схлынет твоя печаль. Особенно, если постараться отвлечься и не расковыривать болячки.

Костя. Нет, это другой случай. Мне не удастся забыть Ни-ну. Никогда.

Аркаева. Значит, всё-таки из-за неё ты сделал эту гл... извини, не глупость, конечно... я же понимаю.

Костя. Мама, не мучайся в поисках слов. Не из-за неё. Из-за себя. Из-за своей слабости и бесталанности.

Аркаева. Ты слишком строг к себе. Твой спектакль был очень мил. Жаль, что мы его не досмотрели.

Костя. Мил?!

Аркаева. А нельзя его повторить? Сцена всё ещё стоит.

Костя. Нет, он умер. И я уничтожил всю память о нем – и тексты, и музыку. Все файлы.

Аркаева. Ну, и правильно! Пора тебе начинать жить серьёзно. И кстати, хотела поговорить с тобой о твоём обучении... Разумеется, ты будешь учиться в том университете – экзамены сданы, и всё такое... И вдруг на ровном месте проблема – оказывается, Пётр не хочет за тебя платить!

Костя. Нет у него.

Аркаева. Да откуда ты-то знаешь?!

Костя. От него. Знаю я его расклады.

Аркаева. Ну, знаешь или не знаешь, а только он в вызывающей ультимативной форме потребовал, чтобы за всё пла-

тила я! Обучение, проживание, транспорт и вообще все расходы, ты понимаешь, все!

Костя. Так ведь это же ты моя мама.

Аркаева. Но он мог бы учесть, какой у меня сейчас сложный финансовый период! Я сижу без гроша, можно сказать, на шее у Бориса.

Костя. Дядя отдал тебе все деньги за нашу квартиру. Всего пару месяцев назад.

Аркаева. Во-первых, не отдал, а дал займы. Но вы все об этих деньгах забудьте – они целиком вбухнуты в антрепризу! Вы же знаете, какой пойдёт крупный проект. Денег не хватает катастрофически!

Костя. И какой вывод?

Аркаева. С выводом подожди! Я хочу, чтобы ты меня понял. Так вот... Снимаюсь я не часто и по мелочам. В театре – сам понимаешь. То есть с деньгами – плохо. Но ведь нельзя же опуститься, иначе окончательно выпадешь из обоймы! Надо изо всех сил поддерживать реноме, ты понимаешь? В конце концов, нужно же просто достойно, респектабельно выглядеть! Как же это, Костя, непросто и недёшево! На одни шмотки уходят сумасшедшие деньги! И другие расходы... Да что говорить – денег не остаётся практически ни на что!

Костя. В том числе и на меня?

Аркаева. Но разве трудно понять – в этом же нет моей вины!? Это же обстоятельства!

Костя. А теперь какой вывод?

Аркаева. Ну что ты заладил – вывод и вывод. Вывод такой – будет ещё один тяжеленный разговор с твоим великодушным дядюшкой.

Костя. Ну зачем ты его обижаешь?

Аркаева. Да?! А за меня? За меня кто заступится? А ты, родной сын – на его стороне!

Костя. Mam, ну что ты... Я же тебя тоже люблю, жалею.

Аркаева. «Тоже»... Константин, не нужна мне твоя жалость, не нужна! Разжалелся. Себя бы пожалел – вступаешь в жизнь без единой полезной мысли в голове! Да ты и учиться-то не хочешь!

Костя. Почему, я не против.

Аркаева. Он не против! А платить мне! Короче, если Пётр откажет, буду просить на тебя в долг у Бориса.

Костя. Да ты что! Чтобы я на его деньги! Он же чужой! Что я – побирушка что ли?!

Аркаева. А что ты надуваешь щёки, а? Ты пока ещё никто! Своего ничего нет, и неизвестно, когда будет. Но вместо того, чтобы поскорее взяться за ум, он, видите ли, мюзиклы сочиняет! Рэпом своим любитесь, а цена ему – грош!

Костя. Мама!!!

Аркаева. Нет, я понимаю Нину! Она же видит...

Костя (*очень спокойно, оковеневшим тоном*). Ну, я пошёл. Не бойся – стреляться не буду. Спокойной ночи, мама.

Костя уходит.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Большая холл в доме Соркина, примыкающий к прихожей. Напротив зрителей расположены дверь, выходящая в прихожую, и камин. Справа и слева – широкие двери, левая ведёт (через другие помещения) в комнату Константина, непосредственно за правой дверью располагается столовая. Большая люстра, торшер, телевизор, два дивана, массивные кресла, стол, стулья и пр.. Один из диванов стоит так, что с него хорошо виден камин. На камине стоит статуэтка – чайка с расправленными крыльями (в натуральную величину)

Поздний вечер. В люстре горит только одна слабая лампочка. В камине догорают угли.

В холле никого.

Открывается левая дверь и появляется Маша.

Маша (*остановившись в дверях и оглядывая комнату*).
Костя, ты здесь?

Маша проходит в комнату. Вслед за ней входит Медведев.

Маша. И тут нет... Чересчур дом большой.

Медведев. Ну чего ты вызвалась Костика искать... Набрать по мобильному – всего и делов. Они и так перезваниваются сто раз на дню. Денег не считают. Да...

Маша. Опять ты «дакаешь». Знаешь же – не люблю... Жалко Николая Петровича – весь больной, пальцы трясутся...

Медведев. Да... Совсем стал никакой. Позавчера-то – правда что ли, что он чуть не помер? Полина Андреевна сказала...

Маша. Напугалась мама очень. Хорошо, Доренко быстро приехал, откачал.

Медведев. Интересно, кому всё отойдёт – Костику или Ирине?

Маша. Тебе-то что?

Медведев. Мне ничего, а вот матушка твоя стала перед Костей лебезить. Раньше и внимания не обращала.

Маша. Бросил кашку в человека – и доволен.

Медведев. Да я ничего, просто видно же. Может, что узнала... или догадывается. Да... Интересно, чем дело кончится. Вот вызвал Пётр Николаевич и Ирину, и Костика, а сам не помер и в ближайшие дни не собирается. Что же им теперь – уезжать?

Маша. Костя сказал, проживет дней десять.

Медведев. Может, и Ирина тоже. Вот ведь и Борис с ней приезжает.

Маша. Сейчас зайду к Николаю Петровичу – и домой, да?

Медведев. Куда торопиться? Тут самое интересное начнётся. Да и ужин не пропускать же.

Маша. Поедем – Олечку надо покормить.

Медведев. Мама покормит. И уложит, и сказочку расскажет не похуже нас.

Маша. А мы то кто? Родители или обсевки?

Медведев. Ты, как родила, какая-то постная стала, скучная. Ничего тебе кроме дочки не надо, не интересно.

Маша. Зато тебе всё интересно, кроме Олечки! Придётся отца просить, чтобы отвёз – стыдно не будет тебе?

Медведев. А он тоже сейчас не поедет. Разве что после ужина. Спорим на столыжник?

Маша. Да ну вас всех!

Маша выходит в левую дверь, но сталкивается там с Костей и Полиной Андреевной, которые несут подушку, одеяло и постельное бельё, и остаётся в комнате.

Маша. Костя, тебя дядя просит зайти к нему.

Костя. Только что у него был, секунд тридцать назад.
(*в сторону Медведева, сухо*) Привет, Семён.

Маша. А я тебя по всему дому искала...

Медведев (*в сторону Кости, приветливо*). Здравствуй Костя. Я вот тоже... зашёл... (*Полине Андреевне*) А зачем это, мама?

Полина Андреевна. Петр Николаевич просил постелить ему у камина.

Полина Андреевна начинает застилать постель на диване, но Костя вмешивается.

Костя. Не на этом, дядя просил, чтоб ему был виден камин.

Маша. Мама, дай я.

Маша застилает постель на другом диване. Полина Андреевна садится на стул

Полина Андреевна. Пётр Николаевич говорит, что возле камина ему не так одиноко.

Медведев. Да... Плохо ему одному, без Кости жить.

Костя. Всякий человек одинок.

Медведев. Это не скажи. Семья, понимаешь ли, большое дело... А у тебя, что же, своя судьба. Не жить же тебе тут, в деревне...

Полина Андреевна. Кто бы подумать мог, что ты, Костя, артистом станешь, да так скоро. И деньги, и успех – по всей России.

Костя. Сменили бы тему.

Костя выходит. Маша садится на свободный диван, Медведев – рядом с ней.

Медведев. Да...

Маша. Опять ты!

Медведев. Прости, милая – больше не буду.... (*целует Машу, та отворачивается*) Вот ведь повезло Костику. Кому такая судьба! По всей России ездит – концерты, стадионы... и эти... как их... «корпоративны».

Полина Андреевна. Как-то вдруг у всех у них дела в гору пошли. Костя – это уж само собой, Педро бразильский стал вдруг много денег слать, Ирина тоже... Пётр Николаевич говорил, всё у неё отлично.

Медведев. А как вам Костина машина?

Полина Андреевна. Огромная – жуть! Я таких и не видала

Медведев. Это, мама, в Америке их делают из военных вездеходов. Очень дорогие.

Маша. При нём бы хоть о нём не говорили. Видите же – не любит.

Медведев. Любит, не любит... женский разговор... (*встаёт*) Я в туалет.

Полина Андреевна. В жёлтый иди.

Медведев (*на ходу*). Знаю.

Медведев выходит в левую дверь.

Маша. Надоел он мне – сил нет! Раньше хоть заботливый был, внимательный, а как машину купили – ничего ему, кроме своих «Жигулей» не надо, только с ней и возится.

Полина Андреевна. Так ведь не новую взяли.

Маша. Где ему новую... Рылом не вышел.

Полина Андреевна. Говорила тебе – не спеши за него! Сейчас бы, может, Костя тебя заметил, а? Ты вон, после родов, даже расцвела – ей Богу, похорошела!

Маша. Mam, какие роды, если б я замуж не вышла?! Ты прям как скажешь...

Полина Андреевна. Так ведь болит за тебя душа!

Маша. Таких, как я... у таких, как он, сто штук – после каждого концерта. Да и получше меня найдутся. Уж будь спокойна – он своего не упустит.

Полина Андреевна. Да откуда ты-то знаешь?

Маша. Mam, ну ты как ребёнок! Взрослые же все люди.

Полина Андреевна. А я всё же надеюсь, что будет у тебя и счастье, и любовь.

Маша. Много у тебя любви с отцом-то было? И ничего – живёте себе не хуже других. А про Костю я уже и забывать начала. Как он уехал. Как замуж вышла...

Полина Андреевна. И тебе... ухать бы вам отсюда. Полегче бы стало.

Маша (*после паузы*). Ты прям как в воду глядишь. Так уж и быть – скажу... Семёна в Чирково завучем приглашают. Там и жить можно при школе, две комнаты есть – директорская квартира, у директора-то свой дом. В декабре переедем, к третьей четверти. И до матери ему будет недалеко – тридцать километров всего, да по шоссе.

Полина Андреевна. Вот и хорошо, вот и отлично! У нас только будешь реже бывать...

Маша. А сейчас что – часто? ... Ничего, налажу жизнь! Был у меня с Доренко давний разговор, до свадьбы ещё – правильно он мне мозги вправлял про семейную жизнь. Главное – нюни не распускать!

Полина Андреевна. Ты его слушайся, он тебе плохого не посоветует!

Маша. Своим умом пора жить... А его я теперь почти и не вижу.

Слева со стороны Костиной комнаты раздаётся грустная и мелодичная гитарная музыка.

Полина Андреевна. Надо же как – ведь нигде не учился. Иной раз играет – прямо за душу берёт.

Маша. И никто в него не верил – даже Пётр Николаевич... и эта Ниночка его... тоже.

Полина Андреевна. Пётр-то Николаевич запрещает Костин театр разобрать – *стоит* на самом ходу, уж сколько раз Илья хотел. Надеется, что Костя ему всё же покажет тот спектакль до конца – про Буратино.

Маша. А что Костя?

Полина Андреевна. Ни в какую. Сам Петр Николаевич просит – а он всё равно, наотрез. А ведь души в нём не чаёт. Ближе-то нет никого... Не мать же.

Тихая певучая музыка в Костиной комнате сменяется очень громкой (с эффектами искажения звука и перегрузки усилителей).

Маша. А вот такой музыкой он зарабатывает.

Полина Андреевна. Страсть!

Маша. У меня его диски есть. Такой-то музыки у там немного. В основном что-то вроде рэпа.

Полина Андреевна. Это как в спектакле?

Маша. Другая, но всё равно рэп. Тебе не объяснить.

Полина Андреевна. Я больше советскую музыку люблю. Магомаев мне нравился, Ротару.

Маша. Кто погромче пел...

Через правую дверь входит Медведев; обернувшись, он широко распахивает дверь и в комнату (на управляемом джойстиком инвалидном кресле с электромотором) въезжает Соркин, следом входит Доренко.

Соркин останавливает своё кресло поближе к камину, Медведев садятся возле Маши, Доренко остаётся на ногах, время от времени похаживая по комнате.

Соркин. Поля, они уже Марьино проезжают – шла бы стол накрывать, пора.

Полина Андреевна. Успею. Только с кухни всё принести

Соркин. Вот и принеси. И вино надо расставить.

Полина Андреевна (*неспешино вставая*). Любите Вы, Пётр Николаевич, суматошничать.

Полина Андреевна выходит в правую дверь, вслед за ней и Маша.

Маша. Mam, я помогу.

Соркин (*вслед Полине Андреевне*). И салфеток я на столе не заметил – вечно забываешь!

Доренко (*подойдя к окну*). Ну и погодка!

Медведев. Сейчас ещё поутих ветер, а я когда ехал вдоль берега, волны были метра по полтора, не меньше, и брызги несло до самой дороги.

Соркин. Это вы не имели удовольствия попасть под тропический ливень! Вот там да – дождь несёт горизонтально, да и не дождь, а как из миллиона брандспойтов, пять-десять метров – и ничего не видно, громы, молнии, сущий ад – и страшно, и почему-то весело!

Доренко (*покачиваясь на ногах и глядя в окно*). Ну, у нас-то весёлого мало. А дождь-то кончается.

Соркин. За Костиной музыкой и грома не услышишь. Дом ходуном ходит.

Доренко. Может, сходить к нему, сказать, чтобы потише?

Соркин. Что ты! Не вздумай! Он и так не в духе.

Медведев. Евгений Сергеевич, у Вас сигаретки не най-

дётся? Я бы вышел покурить на крылечке. А то в школе нельзя, дома тоже – ребёнок, сами понимаете. У Маши не забалуешь!

Доренко (*достаёт и протягивает Медведеву пачку*). Возьми. Смотри, чтобы не сдуло тебя.

Медведев (*берёт пачку*). Ничего, поутих ветер-то. Вот спасибо.

Медведев уходит.

Соркин. Что-то Костя нервный стал, дёрганный какой-то. И в прошлый раз, когда приезжал, а в этот раз особенно. А начнёшь расспрашивать – всё у него отлично. Да фактически так и есть.

Доренко. Сойтись бы ему покрепче с какой-нибудь бабой. Именно чтобы не его лет, а постарше, поядрёнее. И чтобы никакой любви и прочих соплей, а только койка. Вот бы что я ему прописал. Чтобы сил не оставалось тосковать и рефлексировать.

Соркин. Да почём ты знаешь, может у него кто и есть? Он ведь мне говорил, что живёт... ээ-э... вполне взрослой жизнью.

Доренко. Эх, Петя-Петя...

Соркин. Что – «Петя-Петя»?

Доренко. Ничего. Люблю я тебя, старого симулянта. И Костю твоего непутёвого. Да ты тоже непутёвый! Жалко

мне вас обоих.

Соркин. Спасибо, Жень, на добром слове. Я ведь тоже считаю тебя другом настоящим. Ясное дело! Да только я-то чем тебе не угодил?

Доренко. А неприспособленные вы к жизни – вот что! И это ещё при том, что не без везения живёте. Вон Костик – по трамвайному билету карьеру сделал. Телеконкурс – тьфу! Таких, как он, там сотни.

Соркин. Ну зачем же так. Он талантливый. (*громкая музыка из Костиной комнаты прекращается*) Ну вот, и не надо было его просить.

Доренко. Я и говорю, там таких талантливых сотни. Кому как повезёт Или тебе вот повезло – расцвела вдруг, ни с того, ни с его твоя бразильская фирма.

Соркин. Да как же «ни с того»? Педро же объяснил. Он в этом кресле сидел (*показывает*), а ты в том (*показывает*). Большая верфь строится, полного цикла производства, вот ему и...

Доренко. Я к тому, что для тебя это было как манна с неба.

Соркин. Это конечно...

Поёживаясь, возвращается и садится Медведев..

Медведев. А бодрит, погодка-то! Евгений Сергеевич, там осталось пара сигареток, я оставлю себе пачку? На ве-

чер?

Доренко (*Медведеву*). Бери. (*Соркину*) А понравился мне твой Педро. Ты его почаще приглашай.

Соркин. Теперь уж летом.

Доренко. Наоборот, зимой! Пусть полюбуется. Слепишь ему снежную бабу.

Соркин. А знаешь, он сказал, что русские женщины гораздо симпатичнее бразильских.

Доренко. Подтверждаешь?

Соркин. Дело вкуса. С бразилками как-то проще отношения.

Доренко. Хм-м, гре-хо-водник!

Соркин. Я теоретически.

Медведев. Пётр Николаевич, вот Вы везде были, а какой город Вам больше всего понравился? Верно, Рио-де-Жанейро?

Соркин. (*мечтательно*). Рио... «Сидаде маравильозо»... Нет! Не Рио! Наверное, из крупных городов мира он самый красивый. Но ей Богу, народишко бы в нём сменить не мешало! Хотя бы на каких-нибудь других бразильцев, из глубинки что ли. А местные – кариока называются – какие-то неизвестно чем избалованные, необязательные, работать никто не хочет, а как бы всё за так получить. Нет, не Рио – Севастополь! Был я там в молодости три раза, и все разы попадал на День Военно-Морского Флота – красотища! Обстановка в городе исключительно приподнятая. Морской

парад в заливе, вечером салют невероятной красоты – очень впечатляет. Морячк*и* все при параде – во всём белом. А главное, девушки там изумительной красоты – сочные такие, загорелые, стройные... ээ-э... южного типа. Вроде Нины Заречиани... Да... Что-то не пришла она сегодня. А обещала. Столько трудов стоило номер её достать.

Доренко. Хотел, чтобы они с Костей встретились?

Соркин. Что же... Бывает же так, что люди снова сходятся. Он-то её всё ещё любит, я знаю.

Медведев. А я видел её позавчера на бензозаправке в Володарке. Поздоровались. Два года, с того самого спектакля её не видел. А как она жила-то, Пётр Николаевич?

Соркин. Откуда мне знать. Не Ирину же расспрашивать. А по телефону как-то было неудобно, тем более, она же согласилась приехать. Женя, ты у всех бываешь – что-нибудь знаешь?

В дверь заглядывает Маша.

Маша. Семён, пойдём – поможешь. Решили столы передвинуть.

Медведев. Ну вот, на самом интересном месте! Евгений Сергеевич, Вы мне потом расскажите, ладно?

Медведев уходит.

Доренко О Нине... Да, пожалуй, только один факт и известен. Прожила она с Пригориным семь месяцев... считая с того времени, с того злополучного спектакля, да и родила мёртвого ребёнка.

Соркин. От Кости?!

Доренко. Экий ты, Пётр... Впрочем, всё может быть... Во всяком случае сразу после этого она с ним... или он с ней... в общем, расстались они. И вернулся писатель к Ирине, о чём тебе прекрасно известно. Где и чем она занималась с тех пор – неизвестно.

Соркин (*с трудом встаёт и начинает ходить по комнате*). Я прямо ошарашен – ребёнок! И надо же – умер! Я ведь не знал. Сердце мне подсказывает, что это был Костин ребёнок! Ты понимаешь, мой внук! Ну надо же! Что ж ты раньше молчал?

Доренко. А зачем, для какой пользы нужно мне было говорить? Не спрашивают – молчу, спросили – говорю, не врать же. Тем более тебе.

Соркин. Вот ведь горе-то! А как думаешь, Костя об этом знает?

Доренко. О чём?

Соркин. Ну, что это его ребёнок или нет?

Доренко. Если они не встречались, то может и не знать.

Соркин. Никак в себя не приду. Вдруг такое дело – внук умер, а я и не знал...

Доренко. Считай, пятьдесят на пятьдесят. Ты бы сел, хва-

тит бегать. И успокойся – этот поезд давно ушёл.

Соркин (*садится на диван*). Ей Богу, если бы она пришла, так бы прямо и спросил!

Доренко. Не вздумай! З А Ч Е М!? Для какой пользы?

Соркин. Ну как же...

Доренко. Давай лучше ещё расскажу. Вот о матери Нины говорят много – будто совершенно бедствует она в Италии. Итальянец её, хоть и граф, оказался гол как сокол – думал, что окрутил состоятельную даму. Теперь она водит экскурсии по Риму и подрабатывает уроками русского языка.

Соркин. Да... А симпатичная была женщина. В Нину.

Из левой двери выбегает Костя и устремляется через прихожую на крыльцо.

Костя (*в основном в сторону Соркина*). Мама приехала!

Соркин (*встаёт*). Ну наконец-то!

Доренко (*Соркину*). Не вздумай выйти!

Доренко уходит из комнаты вслед за Костей. Со двора доносится серия коротких автомобильных гудков. Через несколько секунд из правой двери в прихожую быстро проходит в прихожую Медведев

Медведев (*Соркину, на ходу*). Ну вот и дождались Вы!

Через некоторое время из прихожей появляются Аркаева и Костя (*обнявшись*), Пригорин, Доренко, Медведев и Шамранин. В руках у Медведева и Шамранина сумки, которые они ставят на пол у входа.

Аркаева и Пётр Николаевич обнимают и целуют друг друга.

Аркаева. Ну, здравствуй, дорогой! Здравствуй, старый ты мой Петруша!

Соркин. Здравствуй, Ирочка! Не сердись, ведь всё к лучшему, правда? Собрались все вместе в кои-то веки. А что я не помер, так это же хорошо, правда?

Аркаева. Какой же ты, Петруша, дурачок! (*крепко целует брата ещё раз*) Ну разве можно так спрашивать! (*в сторону Доренко*) Как он, Евгений Сергеевич?

Доренко. Сами видите. Слава Богу, поправляется. Приступ, впрочем, был тяжёлым. Хоть за батюшкой посылай.

Пригорин. Ну и шуточки у Вас, Евгений...

Аркаева. Сергеевич.

Доренко. Ничего, Пётр меня знает тыщу лет и воспринимает вполне адекватно. (*Аркаевой*) Хорошо, что Вы приехали... в том смысле, что положительные эмоции ему только на пользу. Подробнее мы поговорим позже.

Аркаева. Ну, позже так позже! А мне тоже приятно, всегда приятно сюда приезжать.

Соркин. Ты, Ирочка, на Женю не обижайся – он ведь лучший мой друг. Когда шутит и когда серьёзно – я ведь отлично понимаю.

Аркаева. Ты, Петя, только не вздумай себя корить, что понапрасну нас вызвал! Повидаться лишний раз не мешает. Сколько? Погода я тут не была?

Соркин. Да примерно так.

Из правой двери появляются Полина Андреевна и Маша. Маша останавливается в нескольких шагах от Аркаевой и Пригорина. Полина Андреевна подходит ближе.

Маша. Здравствуйте!

Полина Андреевна. Здравствуйте, Ирина Николаевна. Борис Алексеевич, здравствуйте! Заждались вас уже!

Аркаева. Здравствуйте, Поля, Машенька!

Пригорин. Добрый день! Наперекор погоде! Всё время дождь и ветер – ехали медленно. А проезжали Есипово – такой случился ливень! Пришлось остановиться минут на десять.

Аркаева. Три аварии видели на шоссе.

Пригорин. Один раз – непонятно, что валяется в кювете. Пригляделись, комбайн опрокинулся.

Шамранин. Это бывает. У нас как-то на манёврах танк перевернулся – сорок шесть тонн!

Соркин. Ира... Борис Алексеевич, я так рад вашему при-

езду! И Костика, конечно. Он-то чаще бывает.

Аркаева. В дороге наконец-то прослушала Костин диск. Представляешь, Костик, дома – ну совершенно не было времени! С этой антрепризой столько хлопот! Слава Богу, все три спектакля имеют огромный успех. Зрители в полном восторге. Но с критикой, прессой, телевидением, с театрами приходится очень много работать. Много и трудно. На периферию приходится ездить. Да... Одно дело – играть самой, и совсем другое – руководить.

Костя. И тебе понравилось, мама?

Аркаева. Понимаешь, Костя, оказалось, что есть у меня руководящая «жилка». Скажем, переговоры у меня обычно проходят удачно. Или жёсткие решения – они ведь касаются людей, с которыми ты...

Соркин. Ирочка, мне кажется. Костя спросил о своём диске.

Аркаева. Ах, это... Мне трудно судить. Я чувствую, что эта музыка не моя. Наверное, она нравится людям иного склада – более динамичным, менее деликатным. Но видно, что работа выполнена очень профессионально. А оформление диска – вообще выше всяких похвал! Необыкновенно броское!

Пригорин. А по-моему, диск хороший. Особенно понравилась третья композиция... если не путаю, «Априориум». И ещё последняя – «Бифуркация чести».

Шамранин. Ну и названия! Я таких слов и не слышал.

Доренко. Костя, «Априориум», это слово – ты его сам придумал? Как антитезу «Апостериориуму» Бориса Ильича?

Костя. *(отвечает коротко и безразлично)* Да. *(очень заинтересованно Пригарину)* Борис Алексеевич, так неожиданно для меня – Вы сразу определили настоящее.

Пригорин. В каком смысле?

Костя. Только «Априориум» и «Бифуркация» – только за них и не стыдно. А остальное – мусор. Надо же было чем-то наполнять и диск, и вообще... как раньше говорили, «репертуар».

Аркаева. Костя, ты говоришь об этом очень мрачно – но ведь так поступают все. Просто невозможно жить от шедевра к шедеву – тебя просто забудут. Забудут люди и затопчут конкуренты. А ведь надо же на что-то жить – разве я не права?

Костя. Права. Разумеется. Как всегда.

Соркин. Что же делать, если такая жизнь... Ничего не поделаешь.

Костя. Да... Ничего не поделаешь...

Полина Андреевна. Да что же мы тут-то сидим, гости дорогие! Проголодались же с дороги, а у меня уже и стол накрыт.

Соркин. А ведь верно! Заговорились мы. Прошу всех к столу! Сейчас выпьем, закусим, чем Бог послал – другое дело!

Аркаева. О, я голодна как блокадница. С утра ни маковой росинки! Пойдёмте за стол.

Доренко (*Соркину*). Пётр, ты на самокате.

Соркин (*усаживаясь в своё кресло*). Слушаю и повинуюсь!

Пригорин. Ира, а подарки?

Аркаева. Потом, потом!

Шамранин. Холодец Полина сделала выдающийся!

Медведев. А кто столы расставлял!

Маша (*Медведеву*). Не забудь, ты за рулём.

Медведев. С тобой забудешь.

Всё, за исключением Кости, направляются к правой двери.

Костя. Мама, я приду попозже!

Аркаева. Вот опять ты, Костя! Что за странности?

Соркин. Оставь его, Ира, прошу тебя. Придёт попозже, и хорошо.

Аркаева. Ну ладно.

Костя остаётся один. Он прикрывает правую дверь, из-за которой негромко раздаются невнятные голоса. Постояв, Костя включает телевизор и почти машинально один за другим «перещёлкивает» каналы, не задерживаясь ни на одном из них. Выключив телевизор, он задумчиво ходит по ком-

нате, сцепив руки за спиной. Затем выключает люстру, подходит к окну и всматривается в него... Внезапно он замечает за окном что-то интересное – он выбегает из дома, не заворив за собой дверь. Слышно, как он распахивает входную дверь. Затем слышен его вскрик «Нина!?!». Через десять-пятнадцать секунд Костя возвращается вместе с Ниной. Она идёт впереди него и, прежде, чем зайти в холл, заглядывает в него и убеждается, что в нём никого нет.

Костя. Нина, каким чудом?!

Нина. Меня Пётр Николаевич пригласил... чтобы я пришла сегодня. Я уже минут десять у вас. Погода ужасная. И ветер мокрый. Сделай так, чтобы никто не вошёл.

Костя. Подожди...

Костя с усилием пододвигает тяжёлое кресло к правой двери. Потом он возвращается к Нине.

Костя. Я включу немного света? Хочется тебя видеть.

Нина. Как хочешь.

Костя включает торшер, стоящий рядом.

Костя. Как же ты вошла?

Нина. Всё через ту же калитку. Помнишь, ты дал мне ключ? Он чудом сохранился.. Вернуть?

Костя. Что ты!

Нина. Я походила немножко по усадьбе, даже забралась на нашу сцену... А Буян меня помнит – хвостом вилял.

Костя. И я тебя помню. Всегда.

Нина. Костя, не нужно. То время давно умерло и кое-как похоронено – не тревожь его... А я очень рада за тебя, твоим успехам, я была на твоём концерте... в Лужниках.. Ты молодец – так вырос.

Костя. Как живёшь?

Нина. Работаю переводчицей. Отец недавно развёлся и заодно снял с меня анафему. Так что я опять любимая дочка.

Костя. Одна?

Нина. ...Нет... У меня есть... любимый мужчина. Представь себе, он хоккеист... защитник.

Костя. Представляю. Значит, есть теперь, кому тебя защитить.

Нина. О, да.

Костя. И что?

Нина. Мы скоро поженимся... Он из Словакии.

Костя. А твои мечты? Подиумы, сцены, студии?

Нина. Блажь. Круговерть в пустой голове. Я хочу семью и детей. Вот и будет в моей жизни...

Костя (*перебивая*). Защитник.

Нина (*твёрдо*). Да, защитник. Он меня любит. Простой и искренний... добрый... У него рыбки.

Костя. А у меня птичка.

Костя подходит к камину и берёт с него статуэтку чайки.

Костя. Это мне Шамранин подарил. Помнишь тот день и дохлую чайку?

Нина. Да. И день, и чайку.

Костя. Это она и есть, собственной персоной. Он догадался обмазать её прозрачной смолой... эпоксидкой что ли... о когда она затвердела... смола затвердела, он всё отполировал. И вот результат.

Нина. Он дурак.

Костя. Не скажи. Обыкновенный русский «левша». «Изячная» получилась вещица.

Костя протягивает статуэтку Нине, и она автоматически берёт её в руки.

Костя. Эта чайка – вроде меня. Снаружи блеск, а внутри гнильё – присмотришь, видно.

Нина брезгливо бросает статуэтку на стол.

Костя. Вот и меня так...

Костя поднимает чайку и, поглаживая, прижимает к гру-

ди.

Костя. Обидели птичку.

Нина. Я бывала у психотерапевта – помогает.

Костя. Нет, Ниночка, я не псих, я просто чайка. Чайка-обечайка.

Нина. Костя, а ведь ты совсем не изменился. Так странно... Ведь ты же стал жутко успешным парнем. Но почему-то погружён в мировую скорбь.

Костя (*безучастно*). Ты просто не знаешь. Не в курсе дела. Весь этот шоу-бизнес – это же пустота, вонючий вакуум. О чём бы не говорили, думают только о деньгах. Да и деньги... считай, воруем – ведь люди ничего не получают взамен. Им просто морочат голову, и кто больше других – «звезда». Так нельзя жить... Я не хочу больше об этом. И этого. И вообще ничего.

Нина. ... И даже меня?

Костя. Ты же объяснила – хотеть тебя бессмысленно и глупо, так?

Нина. Да... Чего же ты в жизни хочешь.

Костя. Очень просто и только одного – не огорчать дядю. Но не получается... и не получится даже этого.

Нина. Я думаю, он позвал меня, чтобы мы встретились.

Костя. И всё равно пришла?

Нина. Мне хотелось тебя увидеть.

Костя. Он единственный меня любит.

Нина. Вот мы и встретились...

Костя. Чтобы попрощаться?

Нина. Да.

Костя. Прощай.

Нина. Прощай.

Костя. Пойдёшь к ним? (*кивает в сторону неразборчивых голосов за дверью*)

Нина. Если бы не он. Я видела, как он приехал вместе с твоей мамой.

Костя. Мамочкой... Что он теперь?

Нина. Для меня? Кошмарный сон. Не хочу его видеть, не хочу его вспоминать.

Костя. Не забывай меня.

Нина. Я не забуду.

Костя. Прощай?

Нина. Прощай. (*целует Костю*) У тебя всё будет хорошо – я знаю.

Костя. Я тоже. Будь счастлива.

Нина. Я пойду?

Костя. Иди.

Костя ставит чайку на стол, и они с Ниной выходят в прихожую. Слышен голос Кости.

Костя. Постой! Три секунды.

Костя вбегает в холл, хватая чайку и с размаху разбивает её об стену (раздаётся громкий хлопок), после чего быстро уходит вслед за Ниной, прикрыв за собою дверь. Через несколько секунд за правой дверью слышится голос Медведа, который пытается её открыть.

Медведев. Чёрт... закрыта что ли...

Медведев с силой наваливается на дверь, приставленное к ней кресло отодвигается, дверь приоткрывается, Медведев протискивается в холл, отодвигает кресло, открывает дверь настежь и кричит через дверной проём.

Медведев. Тут никого нет! А дверь перегороджена!

Доренко (*ещё из-за двери*). А что был за звук?

Доренко входит в холл.

Доренко. Мне даже показалось – как выстрел.

Медведев оглядывается, видит обломки статуэтки, поднимает их и протягивает Доренко

Медведев. Может быть, это?

Доренко. Ясно, Костик резвится. Впрочем, давно пора

было выбросить эту страхопличку. Пойдём.

Доренко и Медведев возвращаются к компании через правую дверь.

Из прихожей в холл входит Костя. Пройдя несколько раз из угла в угол, он подходит к столу и перебирает осколки чайки. Собрав их в охапку, он уходит к себе через левую дверь.

Через некоторое время из комнаты Кости начинается громко доноситься читаемый им рэп-мюзикл «Буратино».

Открывается правая дверь и в комнату заходят Аркаева, Пригорин, Доренко, Медведев и Маша, заезжает в своём кресле Соркин.

Аркаева. Нет, нельзя так обедаться. За чаем сладкого мне не давайте! А буду тянуться – бейте по рукам.

Маша. А я два торта сделала – «Наполеон» и «Монастырская изба».

Аркаева. «Изба» – это где вафельные трубочки с курогой?

Маша. Да, по маминому рецепту.

Аркаева. Всё, пропала моя фигура!

Соркин. Так антрепренёру фигура и ни к чему.

Аркаева. А молодой красивой женщине? Борис, заступись за жену и разожги камин посильнее.

Пригорин. Заступаюсь.

Доренко. Прошу огонь предоставить мне – с детства обо-

жаю это дело.

Соркин. Садитесь все, пожалуйста, а то мне неудобно.

Все, кроме Доренко рассаживаются, а он занимается камином – ворошит тлеющие угла кочергой, подкладывает новые поленья. Огонь в камине становится ярче.

Медведев. Хорошо! Отличная компания, отличный стол, непогода за окном, а мы сидим себе весёлые в тепле у огонька.

Соркин. А кое у кого даже молодая жёна под боком.

Пригорин (*нарочито обиженным тоном*). И у меня тоже.

Аркаева (*в сторону Пригорина*). Пять с плюсом! (*всем*) И что интересно – у всех у нас за последние два года жизнь сильно изменилась к лучшему. Я... кое-чего достигла. Борис отхватил литературную премию и прорвался в кинематограф.

Доренко. Борис Алексеевич, мои поздравления – замечательный роман, редкость для наших дней.

Пригорин. Благодарю вас.

Аркаева. Продолжаю на мажорной ноте! Петруша, слава Богу, совершенно выздоровел в финансовом отношении, да и лично бодр и весел. Маша и Семён – счастливая молодая семья, в меру сил противостоящая демографическому кризису. У Шамранинского флигеля мой зоркий взгляд не мог

не заметить рядом с ветхой «копейкой» новенькую «Ниву» – чем не достижение?

Соркин (*посмеиваясь*). Так он ж у него не ездит – чего-то там разобрал, собрать не может.

Аркаева. Соберёт! Дальше. Евгений Сергеевич, «колитесь» – есть успехи?

Доренко. А как же – баню поставил. Милости прошу – веники на любой вкус.

Аркаева. Объявляю на завтра банный день! И, наконец, Костик – блестящее начало в шоу-бизнесе! Кстати, неприлично с его стороны – так и не пришёл ужинать. Сидит, как сыч, у себя и весь дом заглушил своей музыкой.

Соркин. Слушайте, а ведь это тот самый мюзикл – «Буратино»!

Доренко. Вот молодец, всё-таки восстановил он его!

Аркаева. Семён, будь добр, пойді скажи Косте, что мать просит его прийти.

Семён встаёт и выходит в левую дверь.

Аркаева. Как всё-таки переменялся у него характер – в дошкольные годы превесёлый был мальчик.

Соркин. Да... Всё время смеялся. Ира, а помнишь, как он в цирке с клоуном разговаривал?

Аркаева. Мм-м, нет! Видимо, вы ходили без меня.

Соркин. А ещё был случай, пошли мы с ним на птичий

рынок, и пошёл там дождик, так Костик...

Левая дверь шумно распахивается. Вбегает Медведев.

Медведев. Константин застрелился!

Немая сцена... Музыка мюзикла резко сменяется какофонией. Неестественно резко опускается специальный занавес (быстрее, чем он падал бы под действием силы тяжести). Изображение на занавесе – такое же, как на занавесе рэп-мюзикла «Буратино». Тишина.

Развод по-русски (сценарий)

Основные действующие лица

Иван Иванович Петруха – министр инноваций, мужчина средних лет и среднего роста без особых примет во внешности и в поведении, обычно носит очки.

Вера Николаевна – супруга Ивана Ивановича, склонная к полноте очень ухоженная дама одних лет с Иваном Ивановичем

Максим – бойфренд Веры Николаевны, молодой человек крепкого сложения с мужественным лицом и добрыми глазами

Оля – «поздняя любовь» Ивана Ивановича, хрупкая милостивая девушка с детским личиком, выглядящая немного «не от мира сего».

Аркадий Липский – олигарх; немного старше Ивана Ивановича; умные, пронизательные глаза, чёткая размеренная речь, минимум жестов.

Фёдор – один из телохранителей Ивана Ивановича. Несколько моложе его. Умён. Невозмутим.

Шауров – адвокат, уверенный в себе импозантный муж-

Происшествие

Рублёвское шоссе. Лето. Утро.

На большой скорости к Москве движется кортеж из трёх автомашин: впереди милицейский Форд с ревущей сиреной и проблесковым маяком, следом роскошная Ауди с единственным пассажиром – министром инноваций Иваном Ивановичем Петрухой и замыкающий Опель с охраной.

Иван Иванович сидит на заднем сидении. Перед ним экран телевизора с новостями CNN на английском языке. На коленях у него ноутбук, показывающий мультфильм про Тома и Джерри, который Иван Иванович с интересом и смотрит, приподняв очки на лоб.

Внезапно автомобиль кренится, идёт юзом, но шофёр справляется с управлением, ему почти удаётся затормозить машину на дороге, так что она скатывается с обочины и утыкается в кювет уже на небольшой скорости. Срабатывают подушки безопасности.

Кое-как выбравшись из-под них, Иван Иванович открывает дверь и выходит из машины – без очков, с ноутбуком в руках. Крышка его сломана и висит на каком-то проводке. Иван Иванович поднимает сломанный компьютер к лицу, безучастно осматривая его. В этот момент Джерри корчит ему с экрана свою рожицу-дразнилку (болтающиеся язычок и уши, изображаемые руками).

Иван Иванович в сердцах размахивается и бросает ноутбук на землю в сторону кустов. Из-за них тотчас выскакивает какой-то помятый мужичок в сапогах, быстро произносит «Вам не надо так я возьму ребятам», хватается за ноутбук и скрывается. Иван Иванович набирает в грудь воздух и пытается что-то сказать, но у него не получается, и он только нелепо разводит руками.

К Ивану Ивановичу подходят сопровождающие и окружают его. Один из них:

– Иван Иванович, Вы в порядке?

Иван Иванович, наконец обретя способность говорить (с негодованием):

– Я в кювете, а не в порядке! Чуть не угробили меня, дармоеды!

Шофёр:

– Колесо спустило – прокол. Иван Иванович, кто же знал...

Иван Иванович:

– Колесо у них спустило! Зато уж я вам не спущу! Чуть не убили! Вот что теперь делать, что?

Один из охранников (Фёдор):

– Иван Иванович, Вы можете пересесть в нашу машину.

Иван Иванович:

– Фёдор, ты в своём уме? Чтобы я подъехал к Госбанку на Опеле? Как какой-нибудь кандидат наук? Ещё бы к своему министерству – туда-сюда. Но ты же знаешь, я еду

на встречу в Госбанк! На Опеле... Надо же додуматься! Да по всей Москве судачить будут! Вызывайте резервную машину!

Фёдор звонит по мобильному в гараж.

Иван Иванович достаёт большой белоснежный носовой платок, расстилагает его на траве и демонстративно, приговаривая «дармоеды» и «чуть не убили», со скорбным выражением лица садится на платок. Остальные стоят вокруг него, чувствуя себя при этом весьма неловко.

Иван Иванович:

– И не стойте вокруг! Вы бы ещё хороводы вокруг меня водили!

Люди расходятся в стороны, кто куда.

Иван Иванович шепчет:

– Чуть не погиб... Так и не пожил бы... по-настоящему...

Публикация

Тот же день. К парадному подъезду Министерства Инноваций (именно это написано на солидной вывеске при входе) подъезжает кортеж из трёх автомашин: милицейский Форд с включёнными сиреной и проблесковым маяком, большой Мерседес и замыкающий Опель. Из Мерседеса выходит Иван Иванович и бодро поднимается по ступеням к входной двери. Стоящий на часах милиционер «берёт под козырёк» и открывает перед Иваном Ивановичем массивную дверь. Похлопав милиционера по плечу, Иван Иванович входит в здание.

Уже на своём этаже Иван Иванович проходит мимо широких двустворчатых дверей с лаконичной табличкой «Министр» и направляется к следующей небольшой двери без всяких надписей и табличек. Иван Иванович приставляет подушечку большого пальца к небольшой коробочке на стене, на экране коробочки появляются буквы «ОК», что-то щёлкает, и раздаётся «компьютерный» голос «Проходите, Иван Иванович». Иван Иванович толкает дверь и, минуя роскошно обставленную маленькую прихожую, попадает в не менее роскошную «комнату отдыха». Подходит к бару, открывает его, берёт бокал и бутылку Хеннесси, но передумывает и со словами «Лучше водочки» достаёт из холодильника запотевший графинчик.

В этот момент раздаётся усиленный динамиком голос секретаря Вадима:

– Иван Иванович, Михаил Петрович на проводе.

Иван Иванович, ворча про себя «Удивительный человек! Всегда не вовремя...», подходит к телефону, берёт трубку и слышит голос своего непосредственного шефа:

– Привет, Иван. Ты живой?

– Вы уже узнали о моём ДТП?

– Говорят, информация о нём есть уже и в Интернете. Ну и мне, конечно, доложили. Так ты не пострадал? Всё нормально?

– Спасибо, сейчас ничего. Но оказывается, подушки безопасности бьют так сильно! Одна мне так звезданула по лицу! В голове как будто лопнуло. Перепугался я здорово. Надо бы потребовать за моральный ущерб, да не с кого...

– Ну что же, перейдём от твоих утренних неприятностей к дневным. Уже знаешь новость?

– Новостей сегодня много...

– Так... значит, не знаешь ещё. У меня на столе свежий номер «Экономического вестника» со статьёй «Сто самых богатых людей России». Твоя Верка – семьдесят третья! Вы что там с ней, совсем обалдели! Предупреждал же тебя! Говорил! Что, разве нельзя было похитрее распахать собственность по тёмным углам? Прямо как малые дети! Пока ты в правительстве, ну нельзя же так! Тем более сейчас! Сам знаешь обстановку. Тем более, мне на этой неделе выступать

в Думе!

– Михаил Петрович, для меня это действительно новость! Был с утра в Госбанке, и обзоров прессы ещё не видел. Очень неприятно, что подвели, невольно подвели Вас лично!

– Не только меня лично, но и себя лично! Ты планировал быть в правительстве как минимум до февраля? Теперь вряд ли досидишь. Не успеешь кончить свои проекты. А конкуренты не дремлют.

– Михаил Петрович, я деталей не знаю, почему так вышло, но видно трудно стало Вере маскировать активы.

– Трудно... Я же справляюсь! Про меня газеты не пишут! А им, видите ли, трудно!

Трудно – это когда прятать нечего... Хоть бы Вера фамилию сменила, что ли. Могли бы догадаться. Тем более, что при такой фамилии вас ни с кем не спутаешь... Как съездил в банк? Обо всём договорился?

– В принципе, да. Есть, правда, небольшая технологическая проблема оптимальной маршрутизации финансовых потоков проекта. Но проблема разрешимая. Я думаю, как раз Вера через свои структуры и поможет нам разрулить.

– Этот вопрос буду решать лично! Заходи в 14:30, расскажешь всё, как есть.

– ОК, подъеду!

– ОК да ОК... Прямо не знаю, что с вами делать...

Иван Иванович кладёт трубку и начинает багроветь. Набирает номер на мобильном и слышит голос супруги:

– Ванюшка, привет!

– Какой ещё Ванюшка! Ты разговариваешь с министром Российской Федерации! В его рабочее время! Шофёра зови Ванюшкой! Сейчас Петрович меня из-за тебя отчитал, как мальчишку! Как пионер октябрёнка! Ты официально попала в сотню самых богатых людей России! Как раз сейчас это крайне нежелательно. Предупреждал же я тебя! А Петрович – меня! Он сказал, не доработать мне до срока. Пойми – какие нам убытки!

– Дурак он, твой Петрович! Куда я всё спрячу? В лифчик и в трусики?

– Дурак – не дурак, а стòит уж не меньше тебя! И заметь, газеты об этом не пишут!

– Другой бы радовался, что у него жена зажиточная.

– Да ради Бога! Что я – против? Я же тебе это и обеспечиваю. Придёт время – будет у тебя вождеденный «миллиардик». Я же не об этом говорю, а о том чтобы «не светиться». Сейчас. Пока я в правительстве.

– Ты, слава Богу, у меня и сам миллионер.

– Таких, как я, миллионеров, в одном Нью-Йорке прописано тридцать тысяч!

– Тогда не серди меня! Разведусь с тобой – и ты нищий!

– Я итак почти что нищий! А ведь ты без меня... без моих возможностей – круглый нуль! В институте еле-еле на троечки училась! Кто тебе всё пробивал – тендеры, контракты!?

– Ты, Ванечка, ты! Кто же ещё, как не мой милый муже-

нёк, мой котик! Ну, не сердись на свою кошечку!

– Кошечки за один присест семерых рожают, а ты...!

– Дурак ты, Петруха! Совсем оборзел со своими инновациями! Плохо кончишь!

Иван Иванович молча сидит в кресле с закрытыми глазами. Произносит:

– И правда, дурак... И кончаю неважнецки... Поумнее надо... Поумнее.

Иван Иванович встает, подходит к двери в свой кабинет, вдруг останавливается и шепчет:

– Вот погиб бы сегодня – так и не пожил бы... по-настоящему... И не пожалел бы никто...

Липский

Тот же день. Кабинет Ивана Ивановича, обставленный в строгом официальном стиле. Но на полке одного из стеллажей (шкафов) стоит средних размеров икона. Иван Иванович садится за стол и вызывает секретаря:

– Вадим, зайди.

Тот входит:

– Добрый день, Иван Иванович.

– Так, Вадим... Сегодня работаем по плану?

– Так точно, Иван Иванович, неожиданных вводных не поступило. И первым к Вам Липский. Только что звонила охрана снизу – Липский уже подъехал.

– Ну, пошли встречать. Все двери – настежь.

Иван Иванович встаёт и идет к двери. На ходу он поворачивает икону к свету тыльной стороной, на ней закреплена фотография Эйнштейна.

Иван Иванович с Вадимом проходят через обширную приёмную, где кроме Вадима работают ещё две милovidные секретарши, выходят в коридор и подходят к лифту. Как раз в этот момент двери лифта открываются, и из него выходит Липский с сопровождающими (два охранника и два советника).

Липский:

– Привет, нарком!

– Здравствуй, Аркадий!

Они пожимают друг другу руки. Иван Иванович кивает сопровождающим Липского, Липский – Вадиму.

Липской:

– Отлично выглядишь, но печален. Кто тебя обидел? Вера Николаевна или Петрович?

Или не отошёл ещё от своего дорожного приключения?

Иван Иванович (с шутливой интонацией)

– Уж не ты ли его заказал?

Липский (подчёркнуто серьёзно):

– Не мой масштаб, ты же понимаешь.

– Кстати, ты угадал, психанул минут пять назад из-за Веры.

– А... публикация. Не журишь, через неделю все забудут.

– Твоими бы устами... Проходи, прощу.

Иван Иванович пропускает Липского вперёд, и они идут к кабинету. Один из охранников Липского застывает в коридоре у дверей в приёмную, другой проходит дальше по коридору и останавливается у маленькой двери в «комнату отдыха». Советники молча садятся на диван в приёмной. Липский и Иван Иванович проходят мимо стоящих секретарш и входят в кабинет. Вадим прикрывает за ними дверь.

Иван Иванович:

– Присаживайся.

Они рассаживаются в удобные кресла в углу кабинета.

Иван Иванович:

– Или выпьем для начала? За встречу? Водочка у меня расчудесная! Тогда пройдем туда (Иван Иванович показывает в сторону комнаты отдыха).

– Спасибо, не сейчас. Что-то я её, родимую разлюбил. Старею. Зато кефир нравится всё больше.

– Ну уж! Не похоже. Итак, слушаю?

– Ну-с... Быка за рога. Я запускаю большущий проект. Основной для меня на ближайшие годы. Мой холдинг «Русская нефть» будет осваивать месторождения на шельфах и островах в северных морях. Впрочем, ты, наверняка, уже об этом знаешь – всё-таки в правительстве сидишь. Сам понимаешь, на самом верху и с нужными сенаторами-губернаторами основные моменты уже согласованы. Но и ты можешь мне помочь.

– Весь внимание.

– Одна из главных проблем – транспортировка нефти. Трубу оттуда протянуть – трудно и накладно. Лучше бы танкерами. Но – лёд и прочее. Так вот, меня убедили, я подчёркиваю, окончательно убедили, что оптимальное решение – создать собственный подводный, а точнее подлёдный танкерный флот. Подводные лодки-танкеры водоизмещением 300—500 тысяч тонн. Звучит дико, но, оказывается, идея вполне реализуемая. Многих проблем, важных для военных лодок, просто не существует. Например, не нужен реактор – двигатели, естественно, должны работать на той же сырой нефти. Но есть и совершенно новые и сложные технические

проблемы. И вообще, создание подводной конструкции таких размеров – это само по себе сложная и наукоёмкая задача. И конечно, крайне желательно заранее, уже сегодня взять под свой контроль предприятия по проектированию и производству подводных лодок Короче, проблем много, а денег мало.

– У Липского мало денег – сенсация!

– Так вот, я рассчитываю, что финансировать решение этих технических проблем будешь ты, твое министерство. Они как раз по твоему профилю – инновационные, требуют развития новых технологий. Так что камушками и помидорками в тебя кидать не будут.

– И что ты предлагаешь конкретно? У тебя ведь уже всё проработано.

– Конечно. Тебе надо в инициативном порядке разработать и выдвинуть соответствующую целевую программу подъёма этой отрасли на несколько лет, с соответствующим крупномасштабным гос-финансированием. Не все же деньги в космос запускать. Выдашь программу наверх – там благословят, я уже там переговорил. Так что за тобой только организационно-техническая часть вопроса. И начать финансирование надо уже со следующего года.

– И кто же будет проектировать и строить эти подводные танкеры?

– Ну и нюх у тебя! Как у добермана. Молодец! Твой интерес учтём так. В стране есть два холдинга, каждый из ко-

торых включает крупную приватизированную верфь и конструкторское бюро, проектировавшее раньше подлодки. Одно – ленинградское, второе – верфь в Беломорске, а КБ тут, в Москве, на Беговой... Эх, я ведь жил там ребёнком... В коммуналке... Счастливое было время! Но бедноватое. Отец был закройщик. Так что вырастили и выучили нас с братом «на медные деньги». У тебя – генеральского сына – была совсем другая юность.

– Налицо перепутаница. Это не я генеральский сынок, это Вера моя – генеральская дочка.

Липский мрачнеет. Говорит:

– Придётся кое-кого уволить.

Иван Иванович:

– Я понимаю: в досье у Липского – и вдруг неточность.

– Но оставим лирику в стороне и вернёмся к нашим бананам. Я и Вера твоя учредим совместную фирму, которая скоренько купит один из этих холдингов. Это можно и нужно сделать быстро. Сегодня, пока информация о моём проекте ещё мало кому известна, купить можно будет за смешные деньги. Когда проект пойдёт, акции поднимутся минимум раз в десять. Естественно, инновационное финансирование твоего министерства пойдёт в приобретённый нами судостроительный холдинг. Какой холдинг покупать – решать, в основном, тебе. Надо бы лично посетить и верфи, и КБ – посмотреть, в каком они состоянии. В ближайшее время.

– Петрович в курсе дела?

– Естественно. В своё время узнаешь, в чём его интерес.

Он тебя поддержит.

– Я вижу, мой вклад будет определяющим и позволяет запросить 51 процент для Веры.

– В этом отношении всё будет зависеть от ряда важных деталей. Давай так – я сейчас уеду, а мои советники-юристы останутся и доложат тебе мои предложения подробно. Они будут в твоём распоряжении хоть целый день. Можешь потом направить их к Вере, пусть переговоят с ней и её юристами. Начнём работать без раскочки. Думаю, мы сговоримся. Согласен?

– ОК

– Тогда тащи – выпьем по чуть-чуть за будущие успехи.

– Водочки? (Липский отрицательно мотает головой).

– Тогда, может, шампанского?

– Подойдёт.

Иван Иванович выходит в комнату отдыха, раздаётся хлопок, и он возвращается с двумя фужерами шампанского.

Липский:

– Ну, за наши подлёдные танкеры!

– Чтобы им бороздить просторы вселенной!

Чокаются, выпивают.

Липский, вставая:

– Я пошёл. Не провожай.

Липский идёт к двери. Проходя мимо стеллажа с фото-

графией Эйнштейна, он на ходу переворачивает её и ставит на место, так что она опять становится иконой. Не обернувшись, он выходит из кабинета. А в кабинете появляются и останавливаются у входа советники Липского.

Иван Иванович:

– Проходите, господа! И представьтесь, пожалуйста.

Поместье

Тот же день. Сумерки. Накрапывает дождик. Кортёж Ивана Ивановича подъезжает к воротам загородного поместья. Милицейская машина разворачивается на площадке перед ними и возвращается в Москву. Две оставшиеся машины въезжают внутрь. Машина охраны сразу отъезжает в сторону и останавливается. Автомобиль с Иваном Ивановичем проезжает ещё около сотни метров по красивой аллее и останавливается у парадного входа в особняк. К машине подходит слуга с огромным раскрытым зонтом. Иван Иванович вылезает прямо под зонт и идет в сопровождении слуги к дому.

Ярко освещённая огромная ванная комната. Иван Иванович с блаженной улыбкой на лице и закрытыми глазами лежит в джакузи. Его очень мускулистые руки и торс покрыты ровным «дорогим» загаром. На большом экране висящего на стене плазменного телевизора идёт какое-то красочное шоу. Звук телевизора приглушён и не заглушает бурления воды. В ванную комнату с доброй улыбкой заглядывает, а потом тихонечко входит очень моложавая и стройная жена Ивана Ивановича Вера, за ней крадутся два нарядно одетых ребёнка – мальчик и девочка. Вера говорит детям (почти шёпотом): «Как бы нам разбудить папу поласковее». Иван Иванович наблюдает за происходящим через прищуренные

веки. Вера начинает медленно и ласково гладить Ивана Ивановича по голове, а мальчик – мерно шлёпать по воде ладошкой. На лице Ивана Ивановича – блаженство. Он закрывает глаза и слышит, как Вера ласково, очень по-доброму говорит: «Проснись, Ванечка... Милый, пора ужинать... Мы без тебя не начнём...». Голос Веры постепенно грубеет: «Да вставай же! Сколько можно дрыхнуть! Вставай, Иван! Поговорить надо!».

Иван Иванович открывает глаза, поднимает их и видит перед собой свою супругу Веру в её несколько разочаровывающем реальном виде (полнеющая дама средних лет). Опустив глаза, Иван Иванович видит двух огромных собак, одна из которых лакает воду в джакузи. На экране телевизора – кровавая сцена с Фреди Крюгером из «Кошмара на улице вязов» и дикими криками ужаса. Улыбка сползает с лица Ивана Ивановича. Сон кончился.

Иван Иванович брезгливо говорит:

– Фу! Слюней-то напустил!

Вера:

– Полчаса уже дрыхнешь! Так и утонуть недолго!

И не обижай Ромочку – он всё понимает!

Вера поглаживает Рому и оттягивает его за ошейник от ванны:

– Не пей тут! Фу! Эта водичка грязная! Видишь, в ней дядя лежит!

Иван Иванович (умоляюще):

– Выйдете все, Христа ради! А то развели тут... ток-шоу.

А потом уж я.

Вера:

– Ну не сердись, милый! Извини. Не думала, что ты оби-
дишься

Вера выходит, командуя собакам:

– Рома, Рекс – за мной! Сейчас мама вас покормит!

Иван Иванович берёт с полочки очки и надевает их, затем встаёт в ванной, смотрит на своё отражение в большом зеркале, и видит бледного человека с невыразительной мускулатурой. Очки смотрятся на голом человеке совершенно нелепо. Он пробует напрячь бицепс. После чего грустно вздыхает.

Большой зал. Длинный стол, сервированный на двоих.. Белоснежная скатерть. Иван Иванович и Вера сидят друг напротив друга вблизи торца стола. Рядом вытянувшийся в струнку лакей и столик на колёсиках, с которого он подавал на стол. Ужин уже закончен. Иван Иванович допивает кофе, снимает очки, срезает кончик сигары и закуривает её, немного отодвинув стул от стола и откинувшись на его спинку. Вера доедает мороженое.

Иван Иванович:

– Ужин был хорош... Вот только икра...

Вера:

– Ты тоже заметил?

– Да, она сегодня чуть сомнительна. Кажется, не самой первой свежести.

– «Второй свежести не бывает».

Вера оборачивается в сторону лакея:

– Ты понял, Сергей? Передай это Пьеру.

Лакей:

– Будет исполнено.

Вера:

– А теперь покинь нас. Приберёшь позже.

Лакей уходит.

Вера:

– Ты с этой сигарой – прямо вылитый «министр-капиталист» с карикатуры в «Правде».

– Вряд ли я похож. Не хватает цилиндра на голове, окровавленного ножа в руке и, самое главное, многомиллионного счёта в банке... Вера, нам надо реконструировать подъезд к дому. Так чтобы автомобиль останавливался бы под каким-нибудь навесом или вообще заезжал бы как-то внутрь... Чтобы было тепло и не капало... А то как дождик, так выбираемся под зонт, как у какого-нибудь ресторана. Согласна?

– Ой, Ваня! Только не ремонт! Как я не люблю, когда стройка, пыль, грязь, шум, таджики-маджики!

– Поживём пока в Москве.

– Иван, давай попозже, а? Не сейчас?

– Ну, как знаешь. И потом, этот тип с зонтом – что он у нас вообще делает? Кроме, как с этим дурацким зонтом, я его

вообще не вижу. Есть у него какие-нибудь другие обязанности по дому или усадьбе?

– Ну, наверное, есть. Должны же быть какие-то основные обязанности. Я, конечно, поинтересуюсь. А парень он приятный... Смотрит так...

– Не при муже буде сказано...

– Да ладно тебе! Отелло...

– Ты не спрашиваешь меня о сегодняшнем дорожном происшествии? Я чуть не погиб.

– Мне что-то говорили... Так я вижу, ты цел и невредим – ну и славненько.

– Вера, как ты можешь! Я же мог погибнуть! Чуть не погиб! И сегодня... в тот момент... я понял, что ещё не жил.

– Как это «не жил»?

– Не жил так... как мог бы... Окрылённо. Счастливо...

– А не бывает счастливых людей, Ванечка. Нет их! Много ты их видел, например, сегодня?

– Ну, как же...

– Молчишь... То-то же.

– А я – буду! Я так решил.

– Не пугай меня, Иван. А то нарешаешь такого!

– ... Ну и как тебе предложение Липского? До чего договорились?

– Ну и выдержка у тебя! Прямо космонавт! Сколько времени протерпел – не спрашивал.

– Спрашиваю.

– Да практически всё утрясли и затвердили.

– Это уже с самим Липским или с этими советниками?

– С ним я не встречалась. Но он дал «добро» по телефону.

– И каково твое участие?

– 40 процентов.

– Я просил 51.

– Ну, это же он тебе деньги в клювике принёс, а не ты ему.

– Не мне он деньги принёс, а тебе.

– Вот опять ты! Да какая разница! Прямо комплекс у тебя по этому пунктику.

– Не хочется провести старость в доме престарелых. Уйдёшь от меня – ничего мне у тебя не отсудить, и ты прекрасно это понимаешь.

– Ну, кое-что ты всё-таки отсудишь, и ты прекрасно это понимаешь. А главное, любящая тебя жёнушка вовсе не собирается сдавать тебя в этот мерзкий домик. Нет уж – ты мой навеки!

Вера встаёт, обходит стол, садится мужу на колени, обнимает его, очень нежно целует и нашёптывает ему в ухо:

– Ну, что ты, милый... Ванечка... Куда же мы друг без друга... Ведь мы же любим друг друга...

Прямо сейчас... Здесь... В зале...

Вера начинает расстёгивать блузку.

Иван Иванович:

– Нет, что ты, Верочка... Тут же проходной двор... Поднимемся в спальню... В мою...

Они встают и, обнявшись, выходят из зала.

Спальня, обставленная в старинном стиле. Приглушённый свет. Белая подушка. Запрокинутое лицо Веры с закрытыми глазами и прикушенной губой. Над ним – лицо мужа. Короткие ритмические движения. Вздохи, междометия. Изображение меркнет или затуманивается.

Максим

Изображение проясняется. По-прежнему запрокинутое лицо Веры с закрытыми глазами и прикушенной губой. Лица мужа не видно. Короткие ритмические движения. Вздохи, междометия. Энергичный финал.

Вера, не отрывая глаз переводит дыхание. Наконец глаза её открываются. Они светятся счастьем.

Камера «осматривает» помещение – это очень большая комната в стиле «studio» с супер-современной мебелью и постерами рок-групп и известных спортсменов (Шумахер, Шарипова и др.) на стенах. Сквозь зашторенные окна пробивается солнечный свет.

На краю стоящей в центре комнаты широченной кровати сидит и курит обнаженный мускулистый молодой мужчина.

Вера:

– Хватит... Хватит на сегодня... Ты меня всю измочалил... А у меня ещё дела есть на вечер... Господи! Хорош-то как!

Мужчина откладывает сигарету на край пепельницы, наклоняется к Вере, медленно и нежно целует её в губы, лоб, шею, плечи. Он говорит:

– Это потому, что мы любим друг друга.

Вера:

– С тобой, Максим, я чувствую себя буквально школьни-

цей.

– А ведь так и есть – в постели ты ещё пионерка. Тебе ещё учиться и учиться, как завещал великий Ленин. Но ты уже ох, как хороша. Сама по себе. А главное, ты прилежная ученица. Так что быть тебе отличницей!

– При таком-то учителе! Не сомневаюсь!

Максим снова садится, берёт ещё не потухшую сигарету, продолжает курить.

Максим:

– Слушай, Вера, сейчас в московских салонах появилась новая модель БМВ 7-ой серии. Многие начинают на неё пересаживаться. Ты знаешь, я давно мечтал...

– Хорошо, милый... Хорошо. Зайди в салон и возьми. Как обычно, дашь им тот телефонный номер – пусть позвонят на счёт оплаты. А старую машину оставь им в салоне, пойдёт в зачёт по их приёмной цене.

– Вера, а можно я старую просто продам? Понимаешь, с деньгами у меня сейчас туго. Мне тут в казино не подфартило... В среду... Да и вообще...

– Но я же просила тебя не выходить из бюджета. Согласись, он у тебя не маленький... И ты мог бы поменьше тратить на своих девок.

Максим встаёт, быстро надевает халат, резко затягивает его в пояс.

Максим:

– Вера, пойми, я ведь тебе не муж, чтобы ты меня так от-

читывала..

– Пока...

– Ты меня обнадёживаешь?

– Сама не знаю... Не так всё просто...

Максим (уже миролюбиво):

– С девушками я постоянно и постепенно расстаюсь, то с одной, то с другой. Раньше в моей жизни их было гораздо больше. Но учти, я же не могу постоянно ходить, допустим, по клубам один. Ты же со мной не пойдёшь.

– Максим, дорогой, ну как я пойду...

– Вот и я о том же! Как жаль, как жаль, любимая, что мы не можем быть вместе. Всегда вместе!

Вера (после некоторой паузы):

– Ты знаешь, Максим, я совершенно зацклилась на тебе... Абсолютно ни о ком, кроме тебя и думать не могу!

– А как же муж? Ты же говорила, что продолжаешь с ним спать?

– Не часто. У нас с ним вообще отдельные спальни... И потом (с усмешкой), в последнее время он стал плоховат. То ли стареет, то ли нервы ни к чёрту. При его работе это не удивительно.

– Жалеешь его.

– В какой-то мере.

– Так я продам машину?

– Не жалко тебе с ней расставаться? Всего пару месяцев и поездил – новая совсем.

– Это ты на своём нетленном Бентли можешь ездить годами. А машины «моего типа» надо менять. И чем чаще – тем лучше! Так я продаю?

– Делай как хочешь.

НПО «Маяк»

Обычный трёхмашинный кортеж Ивана Ивановича в сопровождении трех микроавтобусов медленно движется по захламлённому разрытому переулку. На первом автобусе написано «TV+», на втором «Ваше TV», на третьем «Пресса». Автомобили подъезжают к воротам, над которыми огромными вырезанными из листового железа буквами написано «НПО Маяк». На давно не подкрашиваемых буквах местами видна ржавчина.

Иван Иванович (глядя в окно, шёпотом, про себя):

– И в такой «дыре» мы проектируем атомные подлодки...
Ужас!

Ворота открываются, и, проехав мимо двух «взявших под козырёк» солдатиков и офицера охраны, автомобили попадают на территорию предприятия.

Небольшая площадь за проходной заполнена людьми. В первом ряду – одетые подобротнее руководители (вполне пенсионного возраста) и три девушки в нарядных русских народных сарафанах. В руках у девушки, стоящей посередине, рушник с огромным караваем хлеба, увенчанной солонкой в виде боевого танка. Бравурно звучит усиленный динамиками «Марш танкистов» («Гремя огнём, сверкая блеском стали,...»).

Автомобили останавливаются. Из автобусов быстро выхо-

дят журналисты, фоторепортёры и операторы. Секунд через десять после этого открывается передняя дверь автомобиля Ивана Ивановича, и выходит его секретарь Вадим. Он открывает заднюю дверь, и из автомобиля выходит Иван Иванович.

Иван Иванович осматривается и его взгляд останавливается на девушках с караваем, из которых он тут же выделяет стоящую справа – худенькую, с очень милым, по-детски непорочным личиком.

Несколько секунд он всматривается в лицо девушки. Заметив это, девушка густо краснеет и прячет глаза. «Какая прелесть», – тихо шепчет Иван Иванович.

Наконец он, сняв очки, направляется к девушкам, те – навстречу ему. Приблизившись, крайние девушки отвешивают Ивану Ивановичу глубокий земной поклон, а девушка с караваем протягивает его Ивану Ивановичу со словами «Хлеб-соль Вам, товарищ министр на нашем орденоносном предприятии!». Иван Иванович с улыбкой отщипывает кусок хлеба, съёт его в солонку и подносит ко рту, после чего опускает руку вниз, и кусок хлеба попадает в предусмотрительно открытый Вадимом полиэтиленовый пакетик. При этом он во все глаза смотрит на худенькую девушку, которая явно растеряна от такого внимания.

Иван Иванович:

– А что, очень вкусный хлебушек! Спасибо Вам, девушки. А зовут вас... э-ээ..

Девушки:

– Таня.

– Тоже Таня

– Оля.

Иван Иванович:

– Ну, вот и познакомились!

Вперёд выходит руководитель предприятия:

– Глубокоуважаемый Иван Иванович! От себя лично, от совета директоров, правления и от всего нашего славного трудового коллектива позвольте от души приветствовать Вас на нашем предприятии!

Иван Иванович:

– И от лиц этих очаровательных девушек?

Руководитель (после некоторой паузы):

– Ну, конечно... Они же... члены нашего славного трудового коллектива.

Иван Иванович (руководителю):

– Здравствуйте, Геннадий Ашотович!

– Добрый день, Иван Иванович!

– Я надеюсь, мы не будем митинговать на площади? Такая встреча – полная неожиданность для меня.

– Трудно было отказать товарищам! Все в один голос захотели встретить Вас как дорогого гостя!

Это большая честь для нас.

– Спасибо, конечно. Но мой визит, как Вы знаете, носит чисто деловой характер. На мой взгляд, Вы малость пере-

усердствовали. И вот незадача – на глазах у прессы...

– Ну, раз митинга не будет, прошу пройти к тому зданию, в мой кабинет.

Огромный кабинет. Т-образный стол. Шкафы с книгами и папками. В углу стеллаж с книгами и несколькими моделями танков. На стенах несколько фотопортретов пожилых мужчин, из которых Иван Иванович никого не узнал. Заметив интерес Ивана Ивановича к портретам, Геннадий Ашотович поясняет: «Лет через десять и я буду тут висеть – это мои предшественники на посту руководителя нашего предприятия.»

С одной стороны длинного стола на его середине расположились Иван Иванович и Вадим, напротив них и на стульях вдоль стен – Геннадий Ашотович и руководители предприятия рангом пониже. У двух стариков на пиджаках звёзды Героев Социалистического Труда. Фоторепортёры делают последние снимки.

Вадим:

– А теперь просим прессу временно удалиться в соседний зал.

Геннадий Ашотович:

– Там для вас накрыты столы. Отдохните пока. По окончании совещания товарищ министр осмотрит предприятие в сопровождении тех из вас, у кого оформлен допуск. После этого будет небольшая пресс-конференция. Я правильно го-

ворю, Иван Иванович?

Иван Иванович кивает головой. Фоторепортёры, операторы и пишущие журналисты выходят.

Иван Иванович осматривается и говорит:

– Я вижу, Геннадий Ашотович, Вы увлекаетесь танками.

– В них вся моя жизнь!

– Такое утверждение – и в этих стенах! Интересно. Впрочем, мир увлечений – причудливейший из миров... Ну, что же, Геннадий Ашотович, с Вами и Вашими коллегами я познакомился. Так что предлагаю перейти к делу. Итак, моя цель – оценить вашу, так сказать, боеспособность, выяснить, в какой мере вам удалось и удалось ли вообще сохранить потенциал фирмы в нелёгкие последние годы. Судя по обилию дорогих иномарок на вашей территории, дела идут неплохо? Вам слово, Геннадий Ашотович!

Геннадий Ашотович:

– ... Тогда придётся начать с иномарок... Большинство из них принадлежит руководителям и работникам малых предприятий, арендующих у нас помещения. Идём, так сказать в ногу со временем.

– Ну а меньшинство?

– ... А меньшинство... меньшинство всё-таки наше...

– Идёте, так сказать, в ногу со временем?

– Отвечаю, Иван Иванович, на Ваш вопрос. Сохранение, как Вы сказали, «потенциала предприятия», собственно и было нашей главной задачей. Особенно мы старались со-

хранить костяк конструкторских кадров. Будут кости, а мясо нарастёт, верно? И эта задача решена успешно. Свидетельство тому – целый ряд успешно завершённых опытно-конструкторских работ, нацеленных на создание опережающего научно технического задела для будущих разработок. И это при очень скудном гос-финансировании.

– Очень интересно. Расскажите об этих разработках. Что Вы имеете в виду?

– В первую очередь, речь идёт об оснащении наших изделий самыми современными оружейными системами.

– Вы говорите о ракетах?

– И о ракетах тоже. Но в первую очередь, о пушечно-пулемётном вооружении.

– А разве на ваших изделиях используются пулемёты?

– Разумеется. Как и на всех зарубежных.

– Кто бы мог подумать...

Сидящие в кабинете снисходительно улыбаются и переглядываются.

Геннадий Ашотович:

– Ещё одно важное направление работы – внедрение современных систем связи, и управления огнём.

– Вы имеете ввиду особую связь в подводном положении?

– В подводном? Ах, да... под шноркелем... Нет, в любом... в любом положении.

– А ведутся ли у вас работы по усовершенствованию двигателей внутреннего сгорания? В направлении снижения

требований к качеству топлива? Скажем, не мог бы перспективный двигатель работать на сырой нефти? Или вы всё внимание уделяете атомным двигателям?

Присутствующие удивлённо переглядываются.

Геннадий Ашотович:

– Иван Иванович, что касается двигателей, то многотопливные дизели известны уже довольно давно. Что касается двигателей на сырой нефти... Если перед нами будет поставлена такая задача, мы, конечно, ею займёмся.

– И как вы оцениваете возможность создания двигателя на сырой нефти в ближайшие годы?

– Сергей Сергеевич (Геннадий Ашотович обращается к одному из стариков со звездой Героя на лацкане), что мы можем ответить?

Сергей Сергеевич (с трудом поднявшись):

– Докладываю... Требуется нормальное финансирование и три года.

Так же с трудом Сергей Сергеевич и садится.

Геннадий Ашотович:

– Вот, Иван Иванович, вы слышали ответ на Ваш вопрос.

Сергей Сергеевич – один из лучших, российских «двигателистов». Так я продолжу мой обзор?

Иван Иванович кивает головой.

Геннадий Ашотович:

– Следующая важная проблема, которой мы непрерывно занимаемся – уменьшение численности экипажа за счёт глу-

бокой автоматизации управления всеми операциями. Сегодняшняя наша цель – экипаж из двух человек, а в перспективе – из одного человека.

Иван Иванович (в сильном изумлении):

– Постойте, постойте! Подводная лодка с экипажем из двух человек – я не ослышался?

Геннадий Ашотович (в замешательстве):

– Иван Иванович, я рассказываю Вам о танках. Ведь мы же танкостроители. Или Вы хотите нас перепрофилировать?

– Позвольте, где я нахожусь? Это НПО «Маяк»?

– Ну конечно!

– Но я хотел посетить конструкторское бюро по подводным лодкам! Вадим, куда ты меня привёз?

Присутствующие начинают переговариваться – кто с недоумением, кто с улыбкой.

– Иван Иванович, очевидно, у нас с Вами произошло небольшое недоразумение. Мы, танкисты, называемся НПО «Маяк» имени Ленина, а подводники – просто ЦКБ «Маяк». Это наши соседи, их территория – через дорогу. Она хорошо видна из этих окон.

Иван Иванович молчит и смотрит на свои лежащие на столе и стискивающие друг друга руки.

Потом медленно говорит:

– Господа! В первую очередь я приношу свои извинения за очевидный сбой в работе моего аппарата. Виновные понесут наказание. Я крайне огорчён. Очевидно, что сейчас

нам следует прекратить совещание и расстаться. Для справки, инспекция именно вашего предприятия запланирована мной на конец года. Прошу сообщить прессе, что встреча экстренно прекращена по причине моего нездоровья.

Иван Иванович выезжает с территории НПО «Маяк». Он крутит головой и с силой дёргает воротник рубашки, освобождая шею. Он шепчет:

– Господи, стыдобища-то какая... А дойдёт до Михаила Петровича... Журналиги-акулы обязательно разнюхают... Проболтается кто-нибудь... Что за чёрная полоса... Чуть не убился на шоссе, потом эта публикация при Веру... Отношения с ней совсем разладились... С лестницы упал – весь в синяках... Теперь вот сегодня! Ну надо же такому случиться! ... Что за девушка... Чудо!... Оля... Олечка...

Адвокат

Зал ресторана. За столиком в одиночестве сидит Иван Иванович. Он с задумчивым видом потягивает что-то из бокала. К столику подходит очень импозантный и солидный мужчина.

– Иван Иванович, разрешите представиться – Шауров. Вы назначили мне встречу.

– Очень приятно. Пожалуйста, присаживайтесь.

Шауров садится.

Иван Иванович:

– Мне рекомендовали обратиться к Вам, как к лучшему адвокату Москвы по бракоразводным делам.

– Рекомендация – безусловно, лестная для меня. Уж и не знаю, от кого она исходит. Но, логика подсказывает, что «Москвы» – значит и всей России, не так ли?

– Логика подсказывает, что Вы бо-ольшой оптимист. Не так ли?

– Вы находите? Пожалуй, могу с Вами согласиться. Но странно – мы говорим обо мне, вместо того, чтобы говорить о Ваших проблемах.

– Сегодня мне нужна только предварительная консультация. А дальше... Посмотрим, как пойдут мои дела... Возможно, я приглашу Вас защищать мои интересы.

– Или меня пригласит Ваша супруга, и мы с Вами окажем-

ся по разные стороны баррикады – ха-ха! Вы понимаете, что это шутка... Итак, я всецело в Вашем распоряжении.

Шауров резко посерёзнул.

Иван Иванович (в некоторой растерянности):

– Что будете пить? Закажем что-нибудь вообще – для начала?

– Если можно, то только по окончании деловой части на шей беседы. Таково моё правило – работать только на абсолютно трезвую голову.

– Хорошо. Свой вопрос я бы сформулировал следующим образом. Представьте ситуацию, когда бизнесом, точнее, очень крупным бизнесом занимается (и весьма успешно) только один из супругов. Другой... Другой всемерно помогает ему, но официального отношения к бизнесу и собственности не имеет. При этом характер бизнеса таков, что он очень разнообразен, так сказать, диверсифицирован, имеет много направлений. И, как водится в наши дни, значительная часть бизнеса носит «серый» характер, изрядная часть активов размещена за рубежом, в том числе и оффшорных зонах... ну и тому подобное. И теперь представим, что супруги разводятся, и происходит раздел, так сказать, «совместно нажитого имущества». На что реально может рассчитывать в этой ситуации супруг, не имеющий официального отношения к собственности и не управляющий ею? Меня, естественно, интересуют не законодательные нормы, а судебная, и скорее даже, житейская практика. Можно сказать, сво-

его рода статистика такого рода дел. Кроме того, меня конечно интересует, каковы основные факторы в этих делах и как эти факторы себя проявляют. Вам понятен мой вопрос?

– Абсолютно! В сущности, именно этот вопрос является центральным во всех бракоразводных процессах этого рода. И естественно, я располагаю нужными Вам данными, почерпнутыми как из моей практики, так и из других процессов – в той мере, в какой мне удалось что-то разузнать.

Иван Иванович замечает, как в зал входит мужчина, и рядом с ним – Оля! Иван Иванович изумлённо замирает. Заметив направление его взгляда, Шауров оборачивается и говорит:

– Да! Согласен с Вами – хороша!

Услышав эти слова, Иван Иванович вздрагивает, всматривается ещё внимательнее и понимает, что он обозначился – видимый им образ Оли плавно трансформируется к реальному облику вошедшей девушки, похожей на Олю.

Иван Иванович снимает очки, протирает их, и надевает снова.

Шауров:

– Так я продолжу?

– Да-да, конечно.

– В делах этих, Иван Иванович, наблюдается огромное разнообразие. И, как Вы правильно изволили заметить, существует множество факторов, определяющих результат. Очень многое зависит от самого характера бизнеса, от сфе-

ры деятельности и образа жизни фигурантов.. В том смысле, что характер бизнеса в определённой мере влияет на характеры людей, им занимающихся, и как следствие, на результаты процессов. Возможно, я говорю не очень понятно, но вот Вам пример. Если бизнес имеет отношение к кино, телевидению, шоу-бизнесу и даже к рекламе, то интересующий Вас результат раздела имущества наименее предсказуем, разброс максимален. Видимо, в силу особой ментальности этих людей, их близости к богеме, в душе они более эмоциональны и склонны к крайностям... Хотя иной раз по внешнему виду этого не скажешь...

Важным фактором является возраст супруга, занимающегося бизнесом. Чем он старше, тем для другого супруга или супруги лучше. Имеет значение и вероисповедование, а точнее национальность – по её принадлежности к тому или иному, так сказать, базовому вероисповедованию. Супруг или супруга мусульманской национальности склонны отдавать меньше, чем славяне и евреи. Однако, эта тенденция не выражена очень сильно. А вот вера сама по себе – очень сильный фактор. Истинно верующий человек, разумеется более склонен к справедливому разрешению вопроса и, мне кажется, правильнее саму эту справедливость понимает. Впрочем, среди рассматриваемой нами категории лиц истинно верующие люди единичны. И, увы, наименее успешны в бизнесе. Что-то у меня пересохло в горле – не заказать ли нам боржомчику?

Иван Иванович жестом подзывает официанта, тот подходит:

– Чего изволите?

– Пожалуйста, боржоми и кампари со льдом, только не добавляйте сока.

– Сию минуту.

Шауров:

– А что, если бы Вы не сказали про сок, они бы его обязательно добавили?

– Не знаю. В некоторых ресторанах, особенно за рубежом, добавляют апельсиновый.

– Интересно. Век живи – век учись.

– Я большой любитель кампари. Мне кажется, его горьковатый привкус совпадает со вкусом жизни вообще. Он горек, но приятен – опять-таки как и наша жизнь.

– Жизнь министра Российской Федерации горька?

– Это тут не при чём. И вообще, кто-то сказал, что даже среди нью-йоркских миллионеров процент счастливых людей не выше, чем среди индийских кули.

– Кули?

– Так называют неквалифицированный пролетариат в Индии и Китае. Чернорабочих, носильщиков и тому подобное.

Официант приносит напитки, наливает боржоми Шаурову. Тот делает 2—3 глотка и спрашивает:

– Продолжим?

– Ну, разумеется, дети, куда же без них. Если они есть, всё

происходит заметно справедливее. Далее... Важно, кто является инициатором развода. Это очень мощный, устойчиво проявляющийся фактор. Если развод инициируется тем из супругов, который ведёт бизнес, то для другого супруга это гораздо лучше. Объяснение очевидно – совесть или её остатки.

Шауров задумывается. И продолжает после некоторой паузы:

– Вот, пожалуй, и всё, что я мог бы и хотел бы сказать, отвечая на Ваш вопрос в общем и целом. Мы могли бы углубить наш разговор и наполнить его Вашей конкретикой. И в результате Вы бы получили от меня более детальные советы. Но для этого я должен буду задавать Вам вопросы., а Вы – искренне отвечать. Перейдём ли мы сегодня к этой стадии наших отношений?

– Пожалуй, это преждевременно. На сегодня я вполне удовлетворён полученной от Вас консультацией. То, что Вы мне рассказали, важно и ценно для меня. И мне особенно понравилось, что Вы изложили всё очень кратко и ёмко.

Иван Иванович достаёт конверт и передаёт его Шаурову:

– Это ваш оговоренный гонорар.

– Благодарю Вас.

– А теперь я предлагаю поужинать и кардинально сменить тему разговора. Как Вы относитесь к футболу?

– Болею за ЦСКА с детских лет. Я ведь из семьи военно-служащего.

- А я исконный спартаковец – со времён Дасаева.
- Ну, сейчас мы с вами схлестнёмся!
- Только сначала сделаем заказ. Официант!

Проповедь

Столовая в загородном особняке. Иван Иванович завтракает. Он один в зале. Входит Вера:

– Ваня, привет! Что, проспал на работу?

– Ничего, табельщица у нас не строгая... Вера, я специально задержался, чтобы дождаться тебя и поговорить.

– Что-то важное?

– Исключительно важное. По крайней мере, для меня. Да и для тебя тоже.

– Ваня, не пугай меня!

– Бояться нечего, скорее наоборот. Хотя, у меня к тебе просьба. Сразу скажу, что необременительная. Очень надеюсь, что ты мне не откажешь. Я ведь редко прошу тебя о чём-либо.

– Да говори же, в чём дело!

– Оглянись, Вера.

Вера оборачивается и видит в «красном углу» зала красивую большую икону с лампадкой.

Вера:

– То-то я чувствую странный запах!

– Это я распорядился повесить. В этом зале, а также у меня в кабинете и в спальне.

– Так в чём твоя просьба – чтобы так и висела?

– Да, чтобы висела. Но, Христа ради, прошу тебя также

повесить иконы и у себя в спальне и кабинете. Я уже купил иконы и на твою долю. Иконы хорошие, красивые, дорогие, освящённые в церкви... Собственно, это и есть моя просьба. Согласись – совершенно не обременительная для тебя.

– А чтостряслось? С чего это ты вдруг уверовал? Раньше я за тобой ничего подобного не замечала. Ты что, чересчур где-то нагрешил?

– Вера! Побойся Бога! В конце концов, мы же православные люди. Пойми, нельзя жить в полном безверии, нельзя!

– Ну хорошо, я не возражаю против икон. Пусть и у меня висят. У многих они есть... Так ведь ты, верно, этим не ограничишься? В своём религиозном порыве.

– Вера, ты смотришь в самый корень. Надо нам постепенно, но решительно изменить отношение к вере и к самим себе. В первую очередь, нам надо обратиться к Евангелию. Я вчера уже начал читать – чертовски интересно! Прямо-таки раскрываются глаза, и я вижу Царство радости, любви к ближнему и справедливости. Справедливости, Вера! Любви к ближнему и справедливости!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.